

Урина Ену

За двуета изумрудата
погонитъся...

Ирина Енц

**За двумя изумрудами
погонишься...**

«Автор»

2023

Енц И. Ю.

За двумя изумрудами погонишься... / И. Ю. Енц — «Автор»,
2023

Акулина и предположить не могла, что обычная командировка на ювелирный завод за партией товара для магазина может превратиться в такой кошмар. Труп ее приятеля, работающего в торговом отделе завода, неизвестно как оказавшийся в багажнике машины, поддельный изумруд, бандитские разборки. И старые друзья, превратившиеся во врагов, и враги, превратившиеся в друзей. Необычные приключения и трудные решения, а как итог - переоценка всей жизни. Сможет ли она с этим справиться? Найдет ли верный путь в этой кутерьме событий и происшествий? И где в конце концов спрятан таинственный и опасный изумруд с громким именем Зеленый Лед? Обложка сделана автором, фото взято из собственного альбома.

© Енц И. Ю., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	22
Глава 4	29
Глава 5	35
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Ирина Енц

За двумя изумрудами погонишься...

*Каждый выбирает по себе
Слово для любви и для молитвы.
Шпагу для дуэли, меч для битвы
Каждый выбирает по себе....
Юрий Левитанский*

Пролог

Я сидела в кустах сирени и ругала себя на чем свет стоит. Что за дурацкая привычка вечно лезть не в свои дела! А все по доброте душевной. Нет, не зря, все-таки, говорят, что благими намерениями дорога в ад выстлана. Сидеть в этих чертовых кустах удовольствие было то еще! Осень на Урале – время года не самое приятное. Нет, я к погоде относилась вполне философски, типа, «у природы нет плохой погоды...», и все такое прочее. И осень, в общем-то, мое любимое время года. Когда ласковые лучи осеннего солнца пробиваются сквозь покров золотых крон, шуршащие лисья под ногами, запах легкой прели и горьковатый вкус сжигаемой старой листвы, ползущий по утреннему, едва проснувшемуся, городу. Все это, конечно, просто чудесно! Но середина октября на Урале... Удовольствие так себе. Особенно, когда ты не в кресле с любимой книгой и кружкой крепкого ароматного чая взираешь из окна на всю эту слякоть и неприятность, слушаешь завывания ветра меж голых веток, стонущего и плачущего на разные голоса, представляя себе... В общем, сидеть в такую погоду дома – это одно, а в мокрых кустах сирени, продуваемых осенним холодным и сырым ветром – это совершенно другое.

Очередная порция мокрых капель с потревоженных веток свалилась мне за шиворот, и я тихо чертыхнулась. И тут же испуганно зажала себе рот ладонью. Совсем близко раздался голоса. Один грубый, хрипловатый, спросил кого-то:

– Ты уверен, что она побежала в этот двор? Он тупиковый. Отсюда нет выхода. Может какая кошка сиганула, а тебе померещилось?

Другой, писклявый и неприятный, словно визг несмазанных петель на старой двери, с неким подобием обиды проквашал:

– Ты чего, Седой! Что я, девку от кошки не отличу?! Сюда она рванула, зуб даю...

Голос третьего, чуть лениво и насмешливо пропел:

– Слышь, Малек, ты бы с зубами-то поосторожнее. Не ровен час, так всех зубов разом лишиться можешь.

Писклявый, которого называли «Мальком» начал возмущаться, другой, с ленивым голосом, ему ответил. Завязалась небольшая ссора, которую довольно безжалостно прервал тот, которого называли «Седым». Послышались звуки раздаваемых затрепчин, и относительное согласие вновь наступило в этой компании. Седой, еще раз напутствовав своих товарищей крепким словом «братского наказа», принялся рассуждать вслух.

– Здесь тупик. Если она сюда забежала, значит, это только в подъезд. Ищите... Иначе нам Скальпель головы поснимает... – И добавил еще пару-тройку слов, которых слушать приличной девушке вообще не полагается.

Видимо, неведомый и, слава Богу, далекий Скальпель был мужчиной серьезным. Потому что, шаги по мокрой листве зашуршали довольно резво, и голоса стали отдаляться. Я сидела, сжавшись в комок, боясь пошевелиться. Зубы начали отбивать дробь, не то от холода, не то, на нервной почве. Нужно было выбираться отсюда поскорее, пока я не превратилась в ледышку. И потом, был вполне реальный шанс, что до них все-таки дойдет, и они начнут прочесывать заросли сирени. Кстати, почему они этого не сделали сразу – оставалось для меня загадкой. Я бы на их месте, так в первую очередь кусты проверила. Не иначе, как моя удача краешком губ все же улыбнулась мне.

Глава 1

Я сидела в своем кабинете, злая и раздраженная. Сегодня у меня с самого утра все не ладилось, все валялось из рук. Ну и, понятное дело, все вокруг меня словно стоворились довести меня до нервного тика. Начиналось все, как обычно. Ранний подъем, холодный душ, прогулка с собакой и чашка крепкого кофе. Но, не успела я прийти в офис, как ко мне со всех ног кинулся охранник.

– Лина Болеславовна, у нас ЧП!

Вобщем-то, по правде, меня звали Акулина. Мамуля сильно хотела сына, а тут я, здарсьте – пожалуйте. Вот она от раздражения и выбрала мне имечко. Спасибо ей за это большое! Отец был против, но возражать мамуле не стал по пустякам, боясь, как бы она тогда вообще, вместо имени не присвоила мне какой-нибудь дурацкий номер, или еще чего похлеще. С нее бы стало! Но решил все же мою судьбу облегчить, и все, с его легкой руки, с самого рождения стали называть меня Линой. Только мамуля, надо полагать, из чистого упрямства, продолжала меня величать полным именем. Когда я немного подросла, и стала понимать, что к чему, тоже проявила вредность (не иначе, характером в мамулю пошла), и на материнский зов «Акулина...!», демонстративно не откликалась.

Так вот, охранник стоит, на меня смотрит глазами виноватого щенка, написавшего в хозяйские тапочки, и, что характерно, молчит, подлец, будто у него завод кончился. Подождав еще пару секунд, но так и ничего не дождавшись, я с тяжелым вздохом проговорила:

– Алексей Петрович, может вы соблаговолите изложить мне суть дела ...?

В глазах охранника взметнулся испуг. Он еще пару раз хлопнул на меня глазами, но так и не произнес ни одного слова. Да, с выражениями я перестаралась. Попроще бы надо было. Сурово нахмурившись, я коротко рявкнула:

– Докладывайте!!

Алексей Петрович (в повседневной речи, просто Петрович) слегка подпрыгнул на месте от неожиданности, и затараторил, словно в бочке выдержули затычку:

– Ночью предотвратили взлом! Сработала сигнализация! Злоумышленника поймали! Оказался мужик из соседнего подъезда в нетрезвом виде перепутал окна. Подъехавшая через три минуты вневедомственная охрана, застала его на месте преступления. Стоял под разбитым окном и поминал по матери жену и тещу. – И уже менее казенным языком, добавил, почему-то шепотом. – Его жена домой не пустила, вот он камнем-то в окно и зафитилил. А, посему как был пьян в стельку, окна-то и перепутал. Вот... – Наконец закончил он доклад.

Петрович был мужик лет сорока семи, характер имел спокойный и основательный. Коренастая, плотно сбитая фигура, круглая голова обрамлена курчавым венчиком, посередине лысина весьма выдающихся размеров, чуть выпуклые голубые глаза доверчиво распахнуты и смотрят на мир с каким-то вечным изумлением ребенка. Характер имел спокойный, незлобивый и покладистый, чем, мне было доподлинно известно, пользовались все, кому ни попадя, начиная от его жены, и кончая нашим дворником. Несколько лет тому назад они с семьей перебрались из деревни в город, но «городским» Петрович так и не стал. Продолжал тосковать по своей деревне, но жена была категорически против возвращения, и он безропотно страдал, никому не докучая своей тоской по малой родине. Его доклад произвел на меня впечатление. Я, конечно, знала, народ у нас непростой и способен на многое, но брови все-таки удивленно вскинула. А Петрович продолжил:

– Я ночью-то уже никого тревожить не стал, а как сменщик пришел, сразу стекольщика вызвал. Он уже заканчивает.

Я с материнской улыбкой покивала головой. Мой возраст при этом не имел ни малейшего значения. А была я лет на пятнадцать моложе Петровича, и уж если в дочки по возрасту не

годилась, то в младшие сестры, точно бы подошла. Но по статусу я была директором и можно сказать, матерью всех своих подчиненных. Поэтому, моя родительская, можно сказать, улыбка никого не смущала и воспринималась, как должное, как, впрочем, и все нагоняи, сопровождающиеся более суровыми выражениями.

– Ладно, Петрович, сдавай смену и ступай домой отдыхать. Разберемся...

Он, шелкнув каблуками с грацией кавалерийского поручика Преображенского полка Ея Величества, строевым шагом промаршировал в глубину торгового зала. Я только головой помотала. Откуда что берется?

Описывать все перипетии, связанные с этим случаем, не буду. Скучно и нудно, да и к дальнейшей истории не имеет никакого отношения. Скажу только, что уже к середине рабочего дня я чувствовала себя так, как будто сама тут всю ночь караулила вместо Петровича, а потом еще и за нарушителем гонялась. Любой магазин требует присмотра, а уж тем более, ювелирный. После обеда пришел товар сразу с нескольких заводов, и мне пришлось помогать товароведам принимать продукцию. В общем, к концу рабочего дня у меня уже в глазах рябило от колец, цепочек, серег и прочей мишуры из всех видов драгоценных металлов и камней. Покончив наконец с этим, я уже было собралась домой, когда на моем столе зазвенел телефон. Несколько секунд я смотрела на трезвонивший аппарат, чуть ли не подпрыгивающий на моем столе, решая, взять трубку, или сделать вид, что я уже ушла? Но чувство ответственности победило, и я осторожно подняла трубку и мягко проговорила:

– Алло... Магазин «Ювелир»...

В трубке раздалось хрипение и какой-то скрежет, а потом сквозь эту какофонию звуков прорвался чей-то молодой, я бы даже сказала, задорный голос:

– Лина Болеславовна? Это вас с «Изумруда» беспокоят. Это Семен, с торгового отдела. Помните, вы на выставке оставляли заявку на серию наших украшений? Так вот, спешу вам сообщить, что ваш заказ готов. – Он на несколько мгновений замолчал, а потом, виноватым голосом, продолжил. – Только Линочка Болеславовна, вам следует их забрать, как можно скорее. Тут у нас... – Он замялся, словно решая говорить или нет, а потом совершенно другим тоном, официальной скороговоркой закончил. – Срок хранения заказа три дня. Так что поторопитесь. – А потом, неожиданно, заговорщицким шепотом чуть ли не прошипел в трубку. – Приезжайте скорее, все на месте объясню. У нас тут такое... – И тут же отключился.

Несколько секунд я слушала прерывистые гудки, глупо хлопая ресницами. Да что же это за день такой сегодня!? Все наперекосяк!! И что это еще за тайны Мадридского двора такие?! Тут надо бы пояснить. С Уральским ювелирным заводом «Изумруд» я работала уже второй год. Чудесные ювелиры создавали настоящие шедевры из изумрудов, добытых на Малышевском руднике. И расходились они, не смотря на довольно высокую цену, словно жаренные пирожки. Всегда находились модницы, желающие покрасоваться в подобном великолепии. С Семеном мы познакомились на выставке, когда я пыталась заключить с «Изумрудом» долгосрочный контракт на поставку в сеть наших магазинов их изделий. Молодой парень, с хорошей спортивной фигурой, со смешливыми и ласковыми, словно у месячного теленка, карими глазами, довольно высокого роста, со светлыми прямыми волосами, вечно торчащими в разные стороны, и трогательной манерой обращаться с женщинами любых возрастов и положений, словно он был не торговым менеджером, а средневековым рыцарем, сразу мне понравился.

Узнав, что замдиректора не стал подписывать со мной договора, попросил меня присесть и обождать. Не знаю каким чудом, но ему удалось добиться положительного решения моего вопроса. Договор был подписан, и я приобрела право несколько раз в году делать заказы на партию украшений ювелирной фабрики «Изумруд». Причем, юноша с негодованием отверг все мои робкие намеки на полагающийся ему процент от каждой сделки. Взятки я в своей жизни никогда не давала, да и не умела этого делать. Поэтому на мое смущенное бормотание, он с невообразимой галантностью поцеловал мне руку, и заверил, что сделал он это только для

того, чтобы изделия фабрики узнали и в Сибири. Решив хоть как-то выразить Семену свою признательность, я пригласила его после закрытия выставки в кафе, которое располагалось тут же, рядом с выставочным павильоном в Сокольниках, на чашку кофе с пирожными.

Мы говорили обо всем на свете, и засиделись допоздна, когда в осеннем парке уже стали зажигаться фонари. Он обладал удивительно легким характером, хорошим образованием, и что самое главное, превосходным воспитанием. Несмотря на то, что он мне годился почти в сыновья (ну, не совсем, в сыновья, но разницу в двенадцать лет я сочла достаточной, чтобы не глядеть на него, как на поклонника) чувствовала я себя рядом с ним, как будто это он старше меня, а вовсе не наоборот. Он знал замечательно много о камнях. Был профессиональным геммологом¹, окончив Уральский горный университет. Но знал он не только физические и химические свойства камней, но также множество различных сказов и легенд о камнях, которых великое множество бытует на Урале. В общем, мы подружились, и я нередко обращалась к Семену за помощью, когда мне требовалась какая-либо консультация, касающаяся драгоценных камней. Он из чувства уважения, неизменно трогательно называл меня по имени-отчеству и на «вы», а себя он просил меня называть по имени и на «ты». И вот сейчас он позвонил мне и повел себя в совершенно несвойственной ему манере. У меня сложилось такое впечатление, что дело было вовсе не в готовом заказе. В чем тогда?

Голову я ломать себе не стала, а тут же позвонила в кассы Аэрофлота, расположенные довольно близко около магазина, и заказала билет до Екатеринбурга. Это был город моей юности, город приятных воспоминаний. И помимо всего прочего, почти все мои институтские друзья жили и работали в этом городе, либо в его окрестностях. И поездка в столицу Урала воспринималась мной, не как служебная командировка, а скорее, как небольшой отпуск, как встреча с собственной юностью. А, согласитесь, подобные встречи всегда будоражат кровь и поднимают настроение. Конечно, я тогда и предположить не могла, насколько эта поездка взбудоражит мою кровь! Но не стану забегать вперед.

Препоручив своего пса подруге и быстренько покидав вещички в дорожный чемодан, на следующее утро я была уже в аэропорту. Самолет, на котором мне предстояло лететь был из так называемой «малой авиации», Як-40. Всего лишь двадцать с небольшим пассажиров на борту. Конечно, за свою жизнь мне пришлось немало полетать на всяком разном. Не удалось покурлесить разве что только на метле, в чем мне мои друзья совсем не верили. Говорили, что этот вид транспорта я освоила еще в ранние годы. В нашей среде вообще любили друг друга подначивать. На то и существуют друзья! Но получалось как-то, что летать приходилось, либо на обычных самолетах «большой авиации», типа Ту, или аэробусов Ил, либо на совсем малюсенькой «авиации» десантного типа, а попросту, «кукурузниках» или вертолетах. Честно говоря, я не придавала этому большого значения. Какая, казалось бы, разница? Самолет – он и есть – самолет. Но, как и в любой отрасли, у «малой авиации» были свои нюансы. Правда, при посадке через брюхо самолета, я слегка насторожилась. Но особых переживаний это у меня не вызвало. А напрасно...

Частые командировки по городам большой страны мне были не в новинку, поэтому все у меня было по отработанной схеме. Усевшись в однорядное кресло, я достала толстую книгу, плеер, воткнула наушники в уши и мельком оглядела небольшой салон. Напротив меня, через проход сидел пожилой дедушка с палочкой, в огромных круглых очках со стеклами немислимой толщины, которые делали его похожим на умного и грустного филина. Он мне ласково улыбнулся, и что-то сказал. По причине наушников, я мало что поняла, и, выдернув их из ушей, вежливо переспросив:

– Что вы сказали?

¹ Геммолог – Специалисты в области определения, оценки и сертификации драгоценных, полудрагоценных и поделочных камней

Дедок с пониманием и сочувствием покачал головой.

– Такая молодая, а уже со слухом проблемы. – Я недоуменно хлопнула на него ресницами. А он продолжил, прибавив звука своему голосу, будто я и вправду была туговата на ухо. – Говорю, первый раз на самолете лечу. Страшновато...

Я попыталась как могла успокоить старичка, и, опять воткнув наушники на положенные им места, раскрыла книгу. Самолет затрясся, набирая скорость и взмыл в воздух. Внизу замелькали картины родного города, на которые, впрочем, я не обратила ни малейшего внимания. В книге развивалось стремительно действие, которое целиком меня поглотило. Ни пушистые клока белых облаков, ни сияющие сапфировой синевой небо, не могли меня отвлечь от чтения. Оторвалась я от любимого чтива, только когда самолет уже пошел на посадку. Мне показалось, что прилетели мы как-то быстро. Выключив плеер, с интересом посмотрела в окно, и с удивлением прочла на приземистом сером здании аэропорта название города – Омск. Мелькнула мысль, что меня угораздило сесть не в тот самолет, но металлический голос сверху, сообщил пассажирам, что полет транзитный. Пребывание в Омском аэропорту продлится сорок минут, а также, что всех пассажиров просят покинуть самолет. Народ, оставляя сумки, незамедлительно рванул к выходу. Оставив на своем сиденье книгу и плеер, а под креслом дорожную сумку, прихватив с собой только документы и деньги, я спустилась одной из последних из брюха самолета по небольшому трапу. Все двадцать человек, выстроившись гуськом за стюардессой, дружно направились к зданию аэропорта. Попав внутрь галдящего и гремящего муравейника аэровокзала, я (прошу прощения за интимные подробности) сразу направилась в дамскую комнату, так сказать, припудрить носик. Не успела я вымыть руки после этого самого «припудривания», вдруг с удивлением услышала объявление диктора. Безразличный женский голос сообщал, что посадка на самолет, вылетающий до Екатеринбурга окончена. Я слегка недоуменно посмотрела на собственное отражение в зеркало. Как, это, окончена?! Ведь со времени приземления прошло не больше пятнадцати минут! В следующий момент на меня напала паника. Мало того, что меня в аэропорту будет встречать друг, так в самолете остались все мои вещи!! Это было недопустимо. И, конечно, я рванула со всей возможной скоростью в сторону выхода на посадку.

В тот же самый момент, из смежной двери мужского туалета выскочил уже знакомый мне дедок, и заорал, что было мочи чуть ли не в самое мое ухо:

– Дочка!! Сейчас сказали, что посадка закончена!! Бежи бегом, ты молодая, может и успеешь! Попроси, чтобы подождали! Только не бросай меня, дочка!!

Я на бегу кивнув головой, устремила по указателю, в сторону выхода на посадку. По пути несколько раз оглядывалась, и переминаясь с ноги на ногу, как застоявшаяся беговая лошадь перед стартом, проверяла, следует ли дедок за мной, не заплутал ли. Старик держался молодцом, бодро опирался на свою палочку, протискиваясь сквозь толпу пассажиров, словно раскаленный нож сквозь кусок подтаявшего масла. В его походке явно чуялась бывшая военная закалка и нешуточная подготовка, вызывающая мое невольное уважение. Наконец я добежала до открытой двери, возле которой стоял небольшой высокий столик, а рядом скучала стюардесса в полнейшем одиночестве, изредка позевывая, и деликатно прикрывая рот ладошкой. У меня все внутри так и похолодело. Неужели я опоздала?! Чуть отдыхаясь после резвой пробежки по аэропорту, я протянула свой паспорт, и торопливо проговорила:

– Погодите, пожалуйста. Там еще дедушка за мной бежит.

Девушка с удивлением и неким недоумением молча воззрилась на меня, будто я ляпнула что-то в высшей степени непристойное, но паспорт с билетом взяла, и соответствующий штамп поставила. Тут и дедок подоспел. Протянул дрожащей рукой свои документы, и, вытирая вспотевший лоб, присипел довольно громко:

– Спасибо, дочка, что не бросила...

Лицо у стюардессы как-то странно вытянулось, по-видимому, от удивления, но штампик посадки она деду тоже поставила, все чин чинком. Идя по узкому и короткому коридорчику, я

слегка недоумевала, чем же было вызвано, такое удивление. Нет, конечно, дуэт у нас с дедком весьма колоритный получился, но ничего такого особенного, чтобы при виде нас потерять дар речи. Но уже в следующий момент всякие глупые недоумения меня совершенно покинули. Мы прошли в «отстойник», где пассажирам, прошедшим регистрацию, положено дожидаться дежурного служащего, который и сопроводит их непосредственно в самолет. Комната была пуста. То есть, совершенно, абсолютно пуста! Меня бросило в холодный пот. Неужели, опоздала?! Дед топтался рядом, постукивая клюкой, и с интересом вертя головой во все стороны. А на меня напала жажда деятельности. Ну уж, дудки!! Я должна была попасть в свой самолет! Любыми путями!

Я выглянула в приоткрытую дверь, ведущую на поле аэродрома. Никого. Ни автобуса, ни людей, ни охраны. Хмыкнула про себя. То же мне, охрана, борцы с терроризмом, который неведомо откуда взялся на нашу голову в последние годы. Перед дверью шла дорога, на которую должны подъезжать автобусы, доставляющие пассажиров к самому трапу самолета. За дорогой виднелась большая круглая площадка, заросшая высокой высохшей травой и густым ивняком. А вот за этой площадкой на предвзлетной полосе стояли в ряд, словно на параде, около десяти самолетов Як-40. И даже отсюда я заметила, как у крайнего самолета начинают раскручиваться турбины двигателей! Я колебалась не более секунды. Вскользнула в дверь, наплевав на всю охрану, и прочие неприятности, которые могли бы мне грозить за подобную выходку, и рванула напрямки к самолету через заросшую кочковатую поляну. Она была достаточно велика, примерно метров сто в диаметре. Но мне было не привыкать двигаться быстро по пересеченной местности. Сзади, стуча клюкой летел дед, периодически выкрикивая на ходу:

– Дочка!!!! Только не бросай меняяя...!!! – И добавлял уже чуть тише, наверное, не думая, что я со своей «тугоухостью» могу его услышать. – Твою ж душу в коромысло...!!!! В партизанах было легче...!!!

Я вылетела на взлетную полосу, когда самолет уже пошел на разгон, и принялась махать руками, словно ветряная мельница. Нет, даже не мельница! Словно потерпевший кораблекрушение на безлюдном острове, увидевший в лазоревой морской дали белый парус плывущего мимо судна. В окне проезжающего мимо меня самолета, мелькнуло побелевшее вытянутое то ли от изумления, то ли еще от чего, лицо пилота, обалдевшего от такой картины. И самолет, взяв разгон, плавно поднялся в небо. Я осталась стоять на взлетной полосе жестоко ругаясь неизвестно на кого вслед улетевшему самолету. Пару раз топнув ногой по прочному бетону, плюнула в досаде, и стала оглядываться. Остальные самолеты стояли по-прежнему в рядочек. Возле одного из них я заметила мужика в летной форме, курившего сигарету. Точнее, курившего ДЮ того, как я выскочила из кустов прямо наперерез злосчастному самолету. Теперь, он стоял, широко открыв рот. Сигарета, прилипшая к нижней губе, медленно тлела, испуская тоненький дымок, струящийся вверх. Тут позади меня раздался треск ломаемых веток, словно кабан-секач ломился сквозь заросли, и на взлетную полосу вывалился дедок, с жалобным плачем:

– Дочкаааа... не бросай меня...!!!

Вид у старичка был, конечно, еще тот! Весь старенький пиджачок усеян приставучими репьями, остатки седеньких волос на голове включены и усыпаны желтыми листьями, пожухлые стебли травы зацепились за ухо, и сейчас он, отчаянно матерясь, пытался от них избавиться. У мужика, стоящего у раскрытого брюха Як 40, глаза полезли из орбит. Гоголь со своей немой сценой из «Ревизора» нервно икал в сторонке. Не обращая ни малейшего внимания на его состояние, решительным шагом я подошла к нему и деловито, с некоторым требовательным вызовом, спросила, указывая рукой в сторону улетевшего проклятущего самолета:

– Куда полетел?

Тот нервно икнул, часто заморгал глазами. Сигарета, отлепившись от губы, упала на бетонное покрытие и, чуть откатившись в сторону, продолжала там тлеть. Слегка заикаясь, он проквашал:

– В Т-т-о-о-м-ск....

В этот момент я почувствовала облегчение. Никакой другой самолет до этого в воздух не поднимался, значит, по логике вещей, наш должен по сию пору стоять где-то в этом ряду. Все еще деловым, можно сказать, начальственным тоном, я задала следующий интересующий меня вопрос:

– А на Екатеринбург, где...?

Мужик, все еще не отводя взгляда от нас с дедом, который уже успел снять с ушей траву, а сейчас отчаянно боролся с репьями, не говоря ни слова, молча ткнул себе за спину. Я просияла улыбкой, и, повернувшись к деду, провозгласила.

– Дед, вот этот – наш! – Сказал так, будто мы с ним вдвоем только что его построили, и краска на крыле высохнуть еще не успела.

Затем, раздавив подошвой все еще тлевшую на бетоне сигарету, ворчливо проговорила, обращаясь к застывшему статуей, мужику.

– Ну и порядки тут у вас! Того и гляди пожар может начаться, доразбрасывается непотушенными «бычками»! И куда ваша пожарная служба только смотрит!! Вон, – сделала я широкий жест рукой, указывая на поляну у себя за спиной, – целые заросли сухие. Дождей-то нет, вспыхнет, как порох. – Мужик на мои слова что-то невнятно промычал, и я заметила, как у него в нервном тике задергалась щека.

Решив больше не обращать на него внимания, бодрым шагом направилась к трапу, ведущему прямо в брюхо железной птицы, по дороге лелея надежду, что все же не этот малохолный поведет наш самолет. А то с таким, пожалуй, далеко не улетишь. А меня друг встречает, да и деда жалко. Поднимаясь, на предпоследних ступенях увидела салон и свое кресло, на котором по-прежнему лежала моя книга рядом с плеером, а из-под сиденья выглядывал уголок моей дорожной сумки. Окончательно успокоилась и, вознеся мысленно молитву всем богам, каких только могла вспомнить, я плюхнулась в свое кресло. Дедок, проковылял на свое место, сел на него, и устало вытер большим носовым платком вспотевший лоб. При этом, он качал головой и радостно улыбался. С чувством удовлетворения, от того, что все так хорошо закончилось, я снова воткнула бусинки плеера в уши, и раскрыла свою книгу на заложенной странице.

Чтение меня необычайно увлекло, тихие звуки скрипки, звучащие мне прямо в уши, навевали покой, и я, совсем позабыв, где нахожусь, погрузилась в мир погонь и перестрелок Рекса Стаута. Главу глотала за главой, и уже дошла почти до середины книги, когда мне внезапно пришло на ум, что времени прошло никак не меньше трех часов с тех пор, как мы с дедком ступили на борт этого прекрасного, ставшего почти родным, авиалайнера. Скосила глаза на салон. Дедулька похрапывал в своем кресле, уронив голову на грудь. Тоненькая струйка слюны засохла в уголке рта, очки сползли с носа и кривовато висели на переносице, внизу коричневого, видавшего виды, пиджака остался болтаться незамеченный старичком репей. Все, как и положено. Но вот кроме нас на борту, увы, никого не было. Почему-то вспомнился Самуил Маршак с его детским стишком «Вот какой рассеянный». Как этот самый рассеянный сел в отцепленный вагон. «А с платформы говорят – это город Ленинград...». На душе стало как-то беспокойно. Я выключила плеер, и выдернула наушники из ушей. И тогда услышала то, что должна бы уже давно услышать, не будь я в наушниках, поглощенная музыкой Моцарта и Вивальди.

С улицы, из отверстия открытого трапа раздавался неясный шум, гул голосов и лай собак. Батюшки светы!! А собаки-то тут откуда взялись? Вроде аэропорт, а не пограничная зона. Предчувствие у меня было нехорошее. Я отложила в сторону книгу, и стала медленно, почти бесшумно спускаться вниз по трапу. Спускаться до самого конца не стала, так, на всякий слу-

чай, мало ли... Дошла до середины лестницы, и низко наклонилась, высунула голову, чтобы увидеть, что же такое происходит вокруг. Увиденное повергло меня в легкий шок.

Несколько человек в форме пилотов, парочка стюардесс, какой-то грозный мужик в штатском костюме при галстуке, с красной гневной физиономией и перепуганными выпученными глазами, офицер в звании капитана, что-то жестко вычитывающий ему на не совсем цензурном языке, человек пять солдат в форме пограничников с автоматами наперевес и сердитыми овчарками на поводке. Мужик, у которого мы спрашивали, где наш самолет, сидел понурившись на последней ступеньке трапа. Чувствовалось, что у человека большое горе. Правда, какое горе, понять не было никакой возможности ввиду его полностью отсутствующего взгляда, устремленного в пустоту перед собой. Люди галдели, собаки лаяли. В общем, гвалт стоял, как на восточном базаре. Точно что-то случилось! Вот я всегда так! Вляпаюсь вечно в какую-нибудь историю. А В Екатеринбурге меня Алешка встречает, ждет, можно сказать, волнуется. Об Алешке мне придется рассказать отдельно, потому что он, во-первых, мой лучший друг еще с института, а во-вторых, он будет играть, считай, главную роль в предстоящей истории. Но расскажу чуть позже, пока буду лететь до Екатеринбурга. А сейчас было бы не худо разобраться, что же такое случилось, и где все пассажиры, и почему, в конце-то концов мы никуда не летим?!

Спустившись еще на пару ступенек вниз, чтобы стоящим рядом с самолетом были видны не только мои ноги, но и часть моего туловища я, опять свесив голову в проем, постаравшись придать своему голосу недовольное начальственное выражение, сурово спросила:

– Что случилось? Почему не летим?

Увы, из-за царящего шума, меня никто не услышал. Разве что, только собаки. Псы посмотрели в мою сторону и принялись лаять с удвоенной силой. Но, как ни странно, в их гавканье не слышалось злобы, только какое-то песье отчаянье, что их никто не слышит. Тогда, набрав в грудь побольше воздуха, я изо всех сил гаркнула:

– Что случилось??!!

Мужик, сидевший на нижней ступени, услышал меня первым. Он сорвался со своего импровизированного сиденья и шарахнулся прямо в толпу, чуть не сбив с ног важного мужика в костюме. Тот воззрился на него с явным недовольством и начальственным гневом в очках. А наш бедолага, отчаянно мыча, стал тыкать в меня пальцем, будто я была не привлекательной молодой женщиной, а страшным Змеем-Горынычем, который вот-вот начнет изрыгать пламя. Так как, кроме невнятных звуков, состоящих из одних гласных, от него ничего добиться больше не представлялось возможным (тут одно из двух: либо он от природы был немым, что представлялось мне маловероятным по причине его службы, либо его психика была мало подготовлена к подобным финтам со стороны пассажиров, что тоже не украшало его, как специалиста аэропорта), все просто посмотрели в направлении, куда указывал его палец. И тут, наконец-то, меня, наполовину высунувшуюся из проема, ведущего в самолет, увидели.

Я, будто наяву услышала, как Николай Васильевич Гоголь опять тихонько и тоненько заплакал в сторонке. Несколько мгновений все молча смотрели на меня, будто я и вправду была каким-то диковинным чудищем. Причем, даже собаки перестали гавкать. Я решила, что это наконец-то мой шанс, узнать, что же такое произошло, и, пользуясь моментом, задала свой, так меня волнующий, вопрос:

– Что случилось? Почему мы до сих пор не летим?

И тут, в наступившей тишине, раздалось чье-то... хихиканье. Да, да!!! Вы не поверите, но именно что хихиканье. Это было так неожиданно, что я, присев на ступени с удивлением захлопала ресницами, глядя на эту разношерстную компанию. Интересно, что такого смешного я спросила?! Я, было решив высказать свое негодование по этому поводу, набрала в грудь побольше воздуха, но тут захихикал еще один человек, судя по форме, член экипажа, а потом следующий. И вскоре, будто это была какая-то инфекция, всех скрутил пароксизм смеха. Толпа

рыдала, плакала, икала и хрюкала, не в силах остановиться. Смеялся, вытирая выступающие слезы из глаз, даже солидный мужик в костюме! Мне даже показалось, что и на собачьих мордах расплылся весьма ехидный оскал.

Дальнейшее я просто не буду описывать. Когда, наконец, народ успокоился, и смог внятно говорить, выяснилось следующее: В маленьких аэропортах, оказывается, объявляли об окончании посадки практически в ту самую минуту, когда самолет еще только приземлялся на аэродроме. Откуда же мне было это знать?! Все остальные пассажиры неторопливо успели выпить по чашке чая (а кто-то даже и покрепче), и спокойно, без суеты проследовали на посадку. Когда все собрались в «отстойнике», и стюардесса была готова всех вести на посадку, пассажиров пересчитали по головам. Регистрацию прошли восемнадцать человек, а в наличие оказалось только шестнадцать. Возник вполне резонный вопрос: где еще двое? Началась перекличка и повторная проверка документов и билетов. И вот тогда-то и выяснилось, что отсутствуем мы с дедком. Стюардесса, ставившая нам штампики на билетах, вспомнила, как мы проходили эту самую регистрацию, и при этом «вид имели подозрительный и торопливый». Дежурная немедленно связалась с начальством, сообщив о происшествии. Что должно было подумать начальство в свете всех последних директив и страшилок? Разумеется, что и подумало! На территорию аэропорта проникли два террориста. Немедленно, по тревоге была поднята местная охрана. Задержаны все вылеты и все прилетающие самолеты были направлены на соседний военный аэродром в ожидании, когда прояснится ситуация. Из ближайшей части прибыла рота солдат-пограничников со своими собаками. И началось методичное прочесывание аэродрома и прилегающих территорий. А еще, от пилота, управляющего самолетом, улетевшим в Томск (это который я пыталась тормознуть), пришло сообщение, что некие подозрительные личности пытались помешать взлету его воздушного судна, не иначе с намерением захватить самолет.

В общем, закрутилось... А тот мужик, который указал нам на наш самолет, по-видимому, впал в шок, и по неясной причине, совершенно забыл, что мы с дедом сидим себе спокойненько уже на борту. Объяснения ситуации заняли примерно минут тридцать, после чего, напуганные таинственной суетой пассажиры, наконец-то заняли свои места, и самолет взлетел, держа курс на Екатеринбург. В итоге, в городе моей счастливой юности мы приземлились вместо положенного полдня, уже когда было совсем темно.

Глава 2

Теперь, должна выполнить обещание и немного рассказать о своем друге. Подружились мы сразу, как только поступили на первый курс. И все пять лет, можно сказать, бок о бок, ели из одной миски, и пили из одной чашки. Компания была у нас дружная, веселая, человек десять, жили в одном общежитии, как говорится, не разлей вода. Весь Средний Урал обошли пешком с рюкзаками за спиной. Не одну ночь провели с гитарой у костра, не одну скалу облазили. Алексей был почти профессиональным альпинистом. По каким только скалам и горам он нас не таскал! Высокий, стройный, широкоплечий, со смеющимися голубыми глазами, и светлыми выющимися волосами, с него можно было рисовать иллюстрации к древним славянским былинам. Прекрасно играл на гитаре, душевно исполняя песни о бродяжьей судьбе альпинистов, и покорении горных вершин. Девчонки от него таяли, как пломбир в бумажном стаканчике в летний жаркий день. А я не воспринимала его, как поклонника, просто друг, почти брат. По крайней мере, мне так тогда казалось. Только почему-то, все на пятом курсе решили, что мы непременно поженимся. Но... Что-то не сложилось. Или он был слишком робок в этом плане, или я излишне сурова. Но факт оставался фактом. Расстались мы просто хорошими друзьями, изредка пересекаясь, когда служебная надобность приводила меня в город моей юности.

И сейчас Алешка встречал меня около самого выхода в аэропорту Кольцова. Вид имел очень встревоженный. Слегка подвявший букетик цветов маялся в его больших и сильных руках, напоминая старый веник. Завидев меня, бодро шагающую ему навстречу, кинулся ко мне со всех ног, сгреб в охапку, крепко прижав к груди. Затем легонько отстранился, и стал внимательно оглядывать меня с ног до головы, будто я только что вышла из смертельного боя и уже почти полностью истекла кровью. Не заметив на мне никаких увечий, выдохнул с явным облегчением. Посуровел лицом и требовательно спросил:

– Что случилось? Как ты?

Решив сразу не сдаваться, и не особо сильно распространяться о произошедшем инциденте в Омске, я философски, пожав плечами, скромненько промяукала:

– Да все нормально, Леш... ты как?

Но мое «все нормально» его явно не устраивало. Вспомнив, наконец, что он меня все-таки встречает, сунул мне в руки веник, который часа три назад еще был цветами, забрал у меня сумку, и, схватив меня за руку (не иначе, опасаясь, что бы меня не украли террористы), молча поволок к выходу из здания аэропорта. Как видно, он решил, что разговоры среди толпы народа не совсем уместны, поэтому, вопросов мне не задавал до тех самых пор, пока не усадил меня на переднее сиденье своей машины. Я, прекрасно понимая, что еще одним «нормально» я не отделаюсь, мысленно прикидывала, как бы так все половчее рассказать, чтобы моя персона никак не фигурировала в произошедшем. Самым простым и безопасным вариантом я посчитала, что будет версия с «нелетной погодой». Можно было даже расписать страшный ураганный ветер с градом и густым туманом. Ветер с туманом в логическое объяснение не вписывался по простой причине: ветер обязательно бы разогнал туман. Порадовавшись на сохраненное после всего произошедшего собственное здравомыслие, я решила остановиться просто на сильном ветре. Но, увы, я не учла с кем имею дело.

Алексей занимал весьма приличный пост в городе и связи имел, будь здоров какие. Ловко выкруливая со стоянки, он проговорил, сам того не ведая, что полностью сводит на нет весь мой, почти поэтический, рассказ о «страшном урагане, разразившемся в Омске»:

– Самолет опоздал на пять часов! Я уже не знал, что и думать! Никто ничего в аэропорту не знает, или, просто не говорят! Пришлось напрягать знакомых в ФСБ. Те связались с Омском. Там что, террористы аэропорт захватили?! Ужас какой!! – И не дожидаясь моих комментариев, продолжил. – Лика!! Я не устаю удивляться!! Как ты вечно умудряешься каж-

дый раз вляпаться в какую-нибудь историю!! Не человек, а какая-то ходячая катастрофа!! – На этом месте, я обиженно надула губы, решив еще в будущем припомнить ему эту самую «катастрофу». А Лешка, не прерываясь, и не обращая внимания на мою якобы обиженную физиономию, продолжал взволнованно выплескивать, накопившиеся за пять часов ожидания, свои эмоции. – У меня такое ощущение, что если с крыши упадет кирпич, то среди нескольких тысяч человек, он свалится именно на твою голову!

Он еще несколько минут продолжал высказываться в том же духе, а я лихорадочно пыталась придумать, как ему все объяснить, не сообщая, что главным «террористом» в данной истории была я сама. Получалось, что никак. Конечно, если бы у меня было чуть больше времени... И то, вряд ли. От его пронизывающего взгляда не укрылось бы мое состояние. Иногда мне даже казалось, что он умеет читать мои мысли. Вот и выходило, что придется сдаваться.

Наконец, он обратил внимание на мое притихшее и слегка смущенное состояние. Разумеется, это его сразу насторожило. Сурово сдвинув брови, он проговорил:

– Ну... Рассказывай, куда очередной раз вляпалась?

Так и не придумав, как красиво, а главное несколько отстраненно от собственной личности, изложить произошедшее, я, пряча глаза, промямлила:

– Ну, Леш... Это... В общем, не было никаких захватов, и террористов тоже никаких не было. – У Алеши правая бровь высказала некоторое недоумение, если не сказать недоверие. Мое сообщение явно противоречило полученной им информации. Но он не стал меня перебивать, стараясь дослушать до конца. Поняв по его вопросительному молчанию, что простым «ничего не было», я не обойдусь, пришлось продолжить. Собравшись с духом, и чтобы не тянуть кота за все подробности, так сказать, я выпалила. – Это я...! – Видя недоумение на лице друга, уточнила. – Ну, я хотела сказать, что весь этот шухер из-за меня был, точнее, это я его устроила.

Брови у Лешки поползли вверх, а нога автоматически нажала на тормоз. Резина закрипела по мокрому асфальту, машину чуть занесло на сторону, а я чуть лбом не вышибла переднее стекло. Остановив кое-как автомобиль на мокрой обочине, Алексей развернулся на водительском сидении ко мне всем корпусом, и угрозавшим голосом просипел:

– В каком смысле, ты устроила?! Ты что, в террористы подалась?!

Слегка путанно, но довольно быстро, я постаралась ему объяснить суть дела. Когда я замолчала, он несколько раз хлопнул на меня своими выдающимися, густыми и черными, как у восточной красавицы, ресницами, а потом, неожиданно для меня, сначала хрюкнул. Да, да!! Именно, что хрюкнул! Затем еще раз и еще, после чего, его скрутил приступ смеха. Я обиженно глядела на него, надув губы. И этот тоже ржет, блин! Да что такого-то?! Ну подумаешь, самолет хотела тормознуть! Ведь на самом деле, все объяснимо и логично, а они все ржут, как застоявшиеся пожарные кони, екарный бабай! Конечно, девушке обидно!

Алексей, через несколько минут, утирая выступившие от смеха слезы, проговорил:

– Так значит, ты просто боялась на рейс опоздать, и потому вылетела на взлетную полосу, чтобы разгоняющийся самолет тормознуть, как какую-то попутку на Восточной?! – И опять зашелся смехом.

В его изложении это, действительно, выглядело совсем по-дурацки. Но в тот момент, я была точно уверена в правильности своих действий. Это я и постаралась донести до его сознания. Но, как видно, не совсем удачно. Потому что, всю дорогу до гостиницы он, то и дело, поглядывал на меня, и начинал смеяться, чем поверг меня в мрачное настроение. Уже останавливаясь перед дверями гостиницы, он весело посмотрел на меня, помотал головой и выдохнул:

– Ну, Сорина, ты даешь!! Я вообще удивляюсь, что твой самолет все же долетел до места, а не попал на какой-нибудь необитаемый остров!

Ничего ему на это не ответив, я сердито засопела и полезла из машины, не дожидаясь, когда он, по-джентельменски, распахнет передо мной дверцу. А Алеша, вдруг, придержал меня за руку, и посмотрел совершенно другим взглядом. От этого его взгляда у меня что-то зануло и защекотало внутри, а он тихо проговорил:

– Не сердись... Я рад, что ты опять здесь, и что мы, наконец, опять встретились. Если что-то тебе понадобится – звони. Телефон ты знаешь. – И потом, несколько деловым тоном произнес. – Я с Сергеичем договорился, он тебе завтра свой «Жигуль» подгонит. Прямо с утра. Будить не будет. Документы и ключи оставит у администратора. – Мило мне улыбнулся и полувопросительно закончил. – Ну что, до завтра?

Я с преувеличенной бодростью кивнула ему головой, и кое-как выдавила из себя:

– Передай своему Сергеичу от меня «спасибо». Я ему банку меда горного привезла, как он заказывал... – Помедлив секунду, почему-то смущенно, добавила. – Тебе тоже. Я же знаю, ты сладкое любишь.

Лешка наконец отпустил мою руку, и мне стало легче дышать. Скрывая свое замешательство за неловким бурчанием на погоду, я наконец выбралась из машины. Алексей уже подходил ко мне с моей сумкой, порываясь донести ее до номера. Но я воспротивилась, сказав, что она не тяжелая и, что я сама в состоянии с ней управиться. Добавив, что свой мед он получит завтра, я юркой белочкой шмыгнула в услужливо распахнутые швейцаром двери, на прощание махнув Лешке рукой.

Должна пояснить, что Сергеич – это водитель Алексея, пожилой и основательный мужик. Когда дела вынудили меня раза три-четыре в год приезжать в Екатеринбург, Алеша договорился с ним, что тот будет давать мне свои «Жигули» на прокат, пока я буду находиться здесь. Это очень упрощало мое прибывание в родном городе, а также сохраняло мне кучу свободного времени, которое я ко всеобщей радости, могла уделять своим друзьям. От денег Сергеич категорически отказывался, бурча себе под нос, что я пытаюсь «сделать из него барыгу». Но отблагодарить мужика я жаждала всей душой, помня, что за добро следовало платить добром, и каждый раз, приезжая, привозила обязательно с собой банку меда для Сергеича, которому он радовался, как ребенок. В общем, мы оба оставались довольными нашей маленькой «сделкой».

В этой гостинице я останавливалась каждый раз, когда приезжала в Екатеринбург, место бронировала заранее, поэтому, никаких осложнений с водворением в номер у меня не возникло. Поставив сумку на пол, я подошла к окну и выглянула. Алексей все еще стоял у своей машины и смотрел на окна, пытаясь вычислить мои. Открыв створку, я высунулась чуть не до половины, и помахала ему рукой. Это тоже было своеобразной традицией. В комнату ворвался влажный осенний воздух, пропитанный горечью опавших листьев. Леша махнул мне рукой в ответ, и сел в свой автомобиль. Некоторое время я все еще смотрела вслед габаритным огням его машины, а на сердце была какая-то неясная тоска.

Я уже собиралась закрыть окно, когда заметила почти под самыми окнами стоявшую другую машину с потушенными фарами. В неясном свете болтающегося на ветру фонаря, выглядела она почти черной, и я бы даже сказала, несколько зловещей. Новомодный японский джип, почему-то он сразу меня насторожил. Двигатель работал, в машине кто-то был. Я видела через приоткрытое окно переднего пассажирского сидения огонек сигареты. Я принялась разглядывать это японское чудо техники, непонятно, с какого такого перепуга. Стоит себе машина, и стоит. Мало ли... Ждет человек кого-то. Казалось бы, какое мне до этого дело? Но почему-то, вид этой машины вызывал у меня легкое беспокойство. С чего бы вдруг? Я разозлилась сама на себя. Мало мне сегодня было всяких хлопот и переживаний, так нет, еще скребу на свою голову! Ох, прав Алеша насчет меня и моих способностей влипать в истории, сто раз прав! Я, сердито нахмурившись от подобных выводов, захлопнула створку, и направилась в душ. Завтра предстоял хлопотный день, следовало отдохнуть, а не глазеть на всякие там джипы!

Убрав деньги в гостиничный сейф, быстро развесила свои вещи в шкафу, воткнула уже совсем поникший букетик в вазу с водой, и отправилась в ванную комнату. После душа меня немного «отпустило». Я неторопливо заварила чай, и с кружкой уселась в кресло, просматривать свой ежедневник, намечая деловые встречи и звонки на завтра. Вскоре меня потянуло в сон. Эх, сейчас бы граммов пятьдесят коньячку хлопнуть, чтобы снять стресс после сегодняшнего беспокойного и суетливого дня! Не догадалась попросить Лешку, заехать в круглосуточный магазин! Звонить администратору в такое время не хотелось. Да и Бог с ним, с коньячком. Кажется, сегодня я и так буду спать без задних лап. Выключила свет, и подошла к окну. Захотелось еще раз вдохнуть влажный осенний воздух. Потянула створку на себя, да так и замерла. Машина, обратившая мое внимание на себя чуть ранее, по-прежнему стояла в кустах с заведенным двигателем и выключенными фарами. Под ложечкой засосало от неясного предчувствия. Что за черт!! Вот что значит, расстроенные нервы! Уже мерещится Бог знает что! Стоят себе люди, и стоят. Чего я к ним прицепилась?!

Собственно, причину своего «прицепилась» я хорошо знала. Время было тревожное, по безналичному расчету мало кто работал, чтобы не «светить» деньги, и по родной стране я, как правило, разъезжала с наличными средствами. Должна сказать, немалыми, потому как, закупала не огурцы и не муку, а «золото-бриллианты». Ездила одна (бесстрашная, блин!), безо всякой охраны, навороченных сумок-сейфов и прочей атрибутики безопасности. Слава Богу, хоть в авоську деньги не складывала. Хотя однажды такое было. Заперлась с дневной выручкой, сложенной в полупрозрачный целлофановый пакет, в троллейбус. Видите-ли, машину не было времени ждать. Пассажиры тарасились на меня с испугом, а мне хоть бы что! Когда ума нет... Впрочем, это уже совсем другая история.

Поэтому, бояться, особо не боялась, но по сторонам все же поглядывала. Могли запросто и вычислить. На нашей милой Родине наступило время беспредела и анархии. А Екатеринбург в то время славился своими бандитскими группировками, как, впрочем, и любой другой крупный город в нашей стране. Приезжала я уже сюда не первый раз, и гостиницу по причине своих консервативных взглядов, предпочитала одну и ту же, да и пункты назначения у меня были те же. В основном, ювелирные заводы и небольшие мастерские. Тем, кому охота была за мною проследить, род моей деятельности сразу же становился понятен. Так что, подобное развитие событий было бы весьма вероятно. Пугаться я не торопилась, решив завтра утром проверить, увяжется ли кто за мной, или у меня уже глюки после трудного дня. С тем и в постель отправилась.

Утром я с трудом разлепила глаза. За окном было еще темно. Понимая, что поваляться сегодня не получится, застонала, как будто и вправду вчера была ранена. С трудом поднялась, и, как обычно по утрам, проклиная всех и вся, пошлепала в ванную. Холодный душ взбодрил меня почти до нормального состояния. Кофе довершило этот трудный процесс, и в половине восьмого утра я уже была готова к любым подвигам, ну, или почти, к любым. Сегодня нужно было рассчитаться и забрать заказ. Но у меня в душе рождались некоторые сомнения. Остаться в Екатеринбурге я планировала еще несколько дней. Была идея договориться с камнерезным цехом на поставку каменных панно и всяких прочих безделушек, так искусно изготавливаемых местными мастерами из полудрагоценных и поделочных камней. И, конечно, предстояла встреча с друзьями. А сейф в номере был непригоден для длительного хранения особо ценных вещей. Возникла идея, договориться с администрацией гостиницы о месте в их сейфе, который довольно хорошо охранялся. Сказано – сделано. Забрав деньги из металлического шкафчика, именуемого гордо «сейф», я направилась вниз, в администрацию. Вопрос решила довольно быстро. Подобную услугу мне оказали, как постоянному клиенту за совершенно смешные деньги. На стойке регистрации меня ждали документы и ключи от «Жигулей».

В общем, не зря у нас говорят, что утро вечера мудренее. Настроение у меня улучшилось. Но выйдя на улицу, я все же бросила настороженный взгляд в кусты, в которых вчера ночью

заметила странную машину. Там никого не было. Это меня совершенно успокоило, и я, весело насмиваясь, направилась к машине, темно-вишневым «Жигулям», восьмой модели. Я ехала по утренним улицам любимого города, и душа моя пела от восторга. Так всегда было, когда я возвращалась сюда. Вчерашнее приключение казалось сегодня мне смешным недоразумением, и я даже перестала сердиться на Алешку, за его смех.

На заводе меня встретили, как родную. Выписали пропуск, осведомившись о погоде в Сибири. Не вдаваясь в подробности, я описала ее, то есть, погоду, одним словом «пойдет». В общем, в торговый отдел я вошла вполне себе в приподнятом, я бы даже сказала, веселом настроении. Семена в отделе не было. Но зато там сидел какой-то странный мужик, которого я здесь никогда не видела. Я несколько настороженно поздоровалась, но мужик мое приветствие полностью проигнорировал. Нет, вот как потом с таким народом жить?! Никакого воспитания у молодежи!! Хотя, с «молодежью» я, конечно, погорячилась. Возраста мы с ним были почти одного и того же. Ну может, плюс – минус года три. На мой вопрос, где Семен, он буркнул не очень внятно, что на планерке. Я уселась в кресло, и принялась листать каталоги завода, рассматривая внимательно новинки, которые завод планировал пустить в серию в новом году, изредка кидая короткие взгляды на мужика и гадая, кем он может быть. Если бы сравнивать его со сказочными персонажами, я бы отнесла его внешность очень близкую к Колобку. Только к такому колобку, в который бабка по недосмотру переложила дрожжей. Если бы я использовала геометрию, то он состоял из кубов и шаров. Узкие глаза-щелочки неведомого цвета, бритая голова с темно-русым ежиком волос. Черный костюм и черная водолазка, плюс трехдневная щетина, делали его внешность какой-то зловещей. Кстати, я могла бы и не напрягаться, стараясь описать этого гражданина. Любая бабулька бы это сделала короче и быстрее, и всего одним словом – «бандит».

Присутствие этого типа здесь меня несколько настораживало, хотя, без особого беспокойства. Не мое это дело было кого и зачем приглашают в святая-святых ювелирного искусства Урала. Он тоже рассматривал меня. Причем, делал это весьма открыто и бесцеремонно, и я бы сказала, нагло. Я с тяжелым вздохом вспомнила свою лесную жизнь. За такие взгляды я бы легко огрела его чем-нибудь тяжелым, наподобие доброй дубины или, на худой конец, обухом топора. Но, сменив работу, нужно было менять и манеры. Настроение мое несколько скукожилось, но и только. Я уже было совсем собралась выйти на небольшой балкончик, имеющийся здесь же, в кабинете, чтобы «подышать свежим воздухом», пока не вернется Семен. Но тут дверь распахнулась, и в комнату влетел Сенья, озабоченно нахмуренный с кипой бумаг в руках. Увидев меня, он слегка притормозил. Но вместо ожидаемой радушной улыбки, по неведомой мне причине, нахмурился еще сильнее. Причина подобной «немилости», как я могла предположить, сидела в кресле, все еще продолжая пялиться на меня. Кинув быстрый взгляд на сидящего «Колобка», Сенья сухо поздоровался.

– А, Лина Болеславовна, здравствуйте... Одну минуточку. Я сейчас позвоню на склад, чтобы принесли ваш заказ. А пока, пройдемте в бухгалтерию для оформления документов.

Он аккуратной стопочкой положил свои бумаги на стол, и, развернувшись вышел из кабинета, оставив дверь открытой, вроде как, приглашая меня за собой. Поведение Сени мне показалось не просто странным, а совсем из ряда вон, что называется. Но вида, что я поражена, а не просто удивлена, старалась не показывать. Судя по настороженной реакции сидевшего в кабинете мужика, мне это вполне удалось. Его взгляд прищуренных глаз, вначале несколько настороженный, сменился легким безразличием. Да что тут у них происходит, в конце-то концов, черт побери?! Я догнала Семена, несущегося по коридору в сторону бухгалтерии, так, что полы его расстегнутого светло-серого пиджака от элегантного костюма, развевались за ним, словно плащ средневекового рыцаря. И уже совсем было решила задать ему этот вопрос, как он, увидев меня рядом, странно скосив рот на бок, прошепел весьма таинственно:

– Встречаемся через два часа в нашем кафе на Малышева... – И понесся дальше, больше не обращая на меня внимания.

От неожиданности я даже притормозила, с недоумением глядя в спину удаляющемуся молодому человеку. Никогда раньше я за ним не замечала подобной таинственности. Права была моя интуиция, ох как права! На заводе и вправду, происходило что-то из ряда вон выходящее! Почувствовав в своей душе разгорающийся огонек близкого приключения, сама себя осадила. Какое мне, собственно, дело до того, что происходит на заводе?! Я что, директор этого завода или, спаси, Господи, его учредитель? Вот и нечего лезть не в свое дело! Утвердившись в этой мысли, я решила, что просто схожу в кафе, чтобы повидаться в неформальной обстановке со своим другом. И все! Где-то глубоко внутри моего сознания просыпался ехидный голосок, который и сказал -то всего: «Ну... ну...». Точнее, даже не сказал, а пропищал. Поэтому, я от него просто отмахнулась, и поспешила догнать Семена, который уже входил в кабинет бухгалтерии.

Документы оформили довольно быстро. Ничего особо подозрительного в бухгалтерии я не заметила. Никаких тебе странных личностей или еще чего-то подобного. Только, как мне показалось, бухгалтер, оформлявший мои бумаги, с некоторым значением посматривала на Семена. Хотя, думаю, это я уже себе напридумывала сама. Когда мы вернулись в торговый отдел, там уже нас дожидался пожилой мужчина, с седой неопрятной шевелюрой, небольших очечках в серебристой оправе на толстом мясистом носу. Глаза за стеклами очков были печальны, словно человек недавно понес невосполнимую утрату. Он сидел за столом и нервно барабанил пальцами по крышке стола, стараясь не смотреть в угол, в котором по-прежнему сидел «Колобок». На столе перед мужчиной стояла коробка средних размеров из плотного картона. При нашем появлении, он порывисто поднялся, словно ему не терпелось поскорее избавиться от этой коробки. Он провел руками над столом, и неопределенно промычал:

– Ну... вот... Принимайте...

Я протянула человеку документы, и он принялся их внимательно просматривать. Затем, положив бумаги на край стола, начал доставать из коробки свертки, внутри которых находились изделия из изумрудов, и одновременно ставить галочки в счет-фактуре, отмечая вытащенные из коробки побрякушки. «Колобок» придвинулся поближе к столу, и пристально стал разглядывать вещи, извлекаемые из небольших коробочек, обитых искусственным бархатом. Там было на что посмотреть! Я достала из сумочки увеличительное стекло и тоже начала рассматривать камни, оправленные с немыслимым искусством в золото и платину. Вообще-то, я довольно равнодушна была ко всем подобным вещам. Золото совсем не производило на меня никакого особого впечатления. Но эти вещи были на самом деле произведением искусства, от которых было невозможно оторвать взгляд. Еще Плиний² говорил: *«В сравнении с изумрудами никакая вещь зеленее не зеленеет... блеск свой распространяют далеко и как бы окрашивают вокруг себя воздух»*. На самом деле, так оно и было. Несмотря на не очень яркий свет, изумруды различных оттенков сияли и переливались, казалось бы, наполняя свои несоразмерно-маленьким зеленым сиянием сам воздух вокруг.

Я просмотрела выборочно несколько вещей с особенно крупными камнями, сверила их с сертификатами, удовлетворенно кивнула головой, и подписав акт приемки, стала складывать их обратно по коробочкам, а затем в общую коробку. Мужчина, принесший изделия, церемонно поклонился, и, забрав подписанный акт, отбыл. Семен принялся запаковывать большую коробку, тщательно перетягивая ее скотчем. А я стала складывать бумаги в папку, еще раз проверяя наличие всех необходимых документов. «Колобок», сопевший буквально за моим плечом, с каким-то недоверчивым вниманием поглядывал на нас с Семеном, словно подозревал, что мы что-то утащили у него лично, непосредственно из кармана его черного пиджака, и

² Плиний Старший – древнеримский писатель-эрудит.

сейчас мы это «что-то» старались тщательно от него спрятать. У меня в голове роилась масса вопросов на тему его пребывания здесь, но я молчала, памятуя как Семен тщательно маскировался. Явно, он это делал не без веской причины! Конечно, можно было бы предположить, что народ слегка перетрудился, и у всех слегка поехала крыша, но я в это не верила. Сеня был на редкость здравомыслящим молодым человеком с сильной психикой и хорошо развитым мышлением. Но, определенно, что-то было здесь не так. И это было понятно с самого начала. А вот что именно, надеюсь, я это узнаю через два часа.

Глава 3

Семен официальным тоном сообщил мне, что сам отнесет коробку мне в машину. Вес коробки был не настолько большим, чтобы я с этим не справилась самостоятельно. Обычно я так и делала. Но подобная галантность моего приятеля навевала мне определенные мысли, и я, покорно кивнув головой, потрусила за Сеней. Прощаться с «Колобком» я не стала. Раз уж мы с ним и не здоровались, то я решила, махнув на собственную воспитанность рукой, и не прощаться. Кажется, он был не против. Только хмуро, с некоторым подозрением глянул нам вслед. Судя по его поведению, он нас хотел бы проводить до самой машины. Но попытки подняться не выказал, а остался сидеть на месте. Из чего я заключила, что на заводе появились новшества в виде камер слежения. Иначе, сопровождения было бы не миновать. Да и поведение Семена говорило о том, что мы находимся под постоянным наблюдением. Вот же напасть какая! Мое любопытство уже зашкаливало, но я старалась себя сдерживать, мысленно повторяя, как мантру, что «это дело не мое».

На проходной меня немного задержали с проверкой документов. Это тоже было новшеством. Заставили распечатать коробку по новой, и пересчитали все украшения в ней уложенные, чтобы количество совпало с указанным в бумагах. Я безропотно сносила все требования. Тем более, что распаковкой и повторной упаковкой Сеня занимался сам. Правда, возник у меня один маленький и неудобный вопросик. Если Семен знал, что на проходной придется вновь все вытаскивать, на кой ляд он так тщательно заматывал коробку скотчем в отделе, на глазах у «Колобка»? Не найдя никакого более или менее рационального объяснения этому факту, я просто решила, что парень забежался.

Наконец, соблюдая все формальности, мы оказались на стоянке. Семен поставил коробку на переднее сидение, и одними губами прошелестел:

– Через два часа...

Я прикрыла глаза и вновь их открыла, давая ему понять, что помню о назначенной встрече. Уж конспирация, так по полной программе! Вежливо поблагодарила молодого человека и, сев в автомобиль, плавно вырулила со стоянки. Перед самым шлагбаумом стоял черный японский джип, вид которого мне показался странно знакомым. Уж не эта ли машинка стояла сегодня ночью под окнами моего номера в гостинице? Уверенности особой не было, так как ночью я не сумела как следует рассмотреть дежуривший в кустах автомобиль. Но сомнения в душе от вида его полированных боков, все же зародились. Стоило мне только выехать на улицу и влиться в поток машин, как в зеркале заднего вида замаячил этот проклятуший джип. Ай-ай-ай... А ребята-то даже и не скрываются! Интересно, чем это моя персона так их привлекла. Камушки, конечно, в коробке, на вполне себе приличную сумму, но мне, почему-то казалось, что не они привлекли этих граждан. Размахи и аппетиты подобных товарищей мне были несколько знакомы. Что поделаешь, в такое время жили, пришлось познакомиться с их нравами. Поэтому-то мне и подумалось, что их интересует что-то другое. Безусловно, в то, что кого-то сразила наповал моя неземная красота, я не поверила ни на мгновение. Значит...? А черт его знает, что это значит! Очень хотелось надеяться, что через два часа что-то да прояснится. Но теперь возникал другой вопрос. Парни, кажется, плотно уселись мне на «хвост», и отцепляться вовсе не собирались. А нашу с Семеном встречу лучше было бы не афишировать, раз парень так старался соблюсти все меры предосторожности, что даже говорить со мной не пытался. Вот же, засада-то еще где! Придется каким-то способом «хвост» отсекаать. При этом, я очень надеялась, что Семен тоже сумеет избавиться от слежки, если за ним таковая обнаружится. А я, почему-то даже не сомневалась, что так оно и будет.

Доехав до гостиницы, я, припарковавшись почти у самого входа, бережно вытащила коробку из машины, и стала по ступеням медленно подниматься вверх, словно в моих руках

был хрупкий фарфоровый сосуд, доверху наполненный водой, которую я ни в коем случае не должна была расплескать. Головой старалась не крутить, дабы не показать, что я заметила за собой слежку. Но в дверях, все же не удержалась, и окинула взглядом стоянку перед гостиницей. Эти паразиты таки пристроились в прежних кустах под моими окнами, откуда отлично просматривался вход! Стараясь не паниковать, точнее, не выказать своего взбудораженного состояния внешне, я прошла в гостиничное хранилище, куда и определила свою коробку. Заполучив ключ от сейфа, я стала ломать голову, куда бы его запрятать. Не придумав ничего умнее, сунула его просто в карман, не ко времени (а может, и наоборот, весьма своевременно) вспомнив указания кого-то из детективщиков, «прячьте на видном месте». Не могу сказать, что мой карман был таким уж видным, но другого варианта мне в голову пока не приходило.

Управившись с ценным грузом, я вздохнула несколько свободнее. Теперь предстояло «отрубить хвост». Эта задача была несколько посложнее. Я поднялась к себе в комнату, демонстративно открыла окно, а сама уселась в кресло думу думать. Не знаю, что этим ребятам пришлось в голову следить за мной, но их намерения вряд ли были благими. В самый разгар разработки плана по «отрубанию хвоста», я поймала себя на мысли, что у меня не жизнь, а какой-то сериал про шпионов получается! Ведь и даже мысли нигде не мелькнуло, обратиться, скажем в полицию, или на крайний случай, за помощью к друзьям. Однако же сижу здесь, и как заправский разведчик-нелегал планы разрабатываю, растудыть твою во все изумруды вместе взятые! Но, лирикой заниматься было совсем некогда. Стрелки на часах ползли неумолимо вперед, а опаздывать я не любила.

У меня было одно маленькое преимущество, о котором, как я надеялась, эти ребята пока не знали. Как ни крути, а это был мой город, и я знала здесь все ходы и выходы. Этим и следовало воспользоваться. Сначала мне пришлось в голову позвонить Алексею. Но эта мысль была мною сразу же отвергнута. Во-первых, не хотелось втягивать друга неизвестно во что, а во-вторых, он опять начнет строжиться и вздыхать, что я влезла в очередную авантюру. А то еще, чего доброго, вообще под замок посадит! С него станется! А я еще и сама толком не понимала, куда я влезла. По большому счету, я вполне бы могла позвонить Лешке и сказать, что я уезжаю прямо сейчас, чтобы он проводил меня до аэропорта. Но подобный выход, почему-то мне даже в голову не пришел. У меня была куча планов на эту поездку, и я не собиралась их менять из-за каких-то придурков! Фигушки!! Не на ту напали! Ну, и потом, я очень хорошо понимала, что если возникла проблема, то ее нужно решать. А «хвосты» у нерешенных проблем могут быть длинными. И побег в другой город их никак «не отрубит». Поэтому, следовало для начала разобраться, что же такое, черт возьми, происходит!

Сказано – сделано! Времени до встречи оставалось чуть больше часа. Конечно, до знакомого кафе на машине ехать всего каких-нибудь минут пятнадцать – двадцать. И это даже с учетом городского трафика. Но на машине уже не получится. Гоняться по городу с этими «друзьями» у меня не было никакого желания. Значит, что? Значит, ножками. А тогда следовало поторопиться. Для начала я переделалась, поменяв официальный костюм на свитер и джинсы. Потом, призадумалась. Понятное дело, центральным входом воспользоваться не удастся, без того, чтобы кто-нибудь не сел на «хвост». При гостинице был ресторан, а у ресторана – служебный вход. Выходил он в закрытый небольшой дворик, окруженный довольно высоким забором из кованых, похожих на пики, прутьев. Одна сторона забора граничила с небольшим сквериком, который в свою очередь выходил на маленькую параллельную улочку. А оттуда не более двадцати метров – и пожалуйста, троллейбусная остановка.

Разработав этот нехитрый план, я закрыла окно и задернула шторы. Выйдя из номера, на двери повесила табличку «не беспокоить», а сама тихонечко просеменила в противоположный край коридора, к пожарному выходу. Спустившись на первый этаж, я сразу же шмыгнула к служебному ходу, а там, по узкому небольшому коридорчику, больше похожему на щель, пробралась в кухню. По раннему времени (завтрак окончился, а обед, как видно еще не начался) из

обслуживающего персонала был один помощник повара, который в уголке чистил овощи. На меня он не обратил ни малейшего внимания, увлеченный работой. Пользуясь полками с пустой посудой, как прикрытием, пробралась незаметно к выходу, приоткрыла дверь и выбралась на территорию закрытого дворика. Железные ворота, слегка облезлые от времени и сырости с внутренней стороны, через которые вывозили мусор и подвозили продукты, были заперты на увесистый замок. Но ворота мне были без надобности. Заметить меня, перелезающей через кованную ограду, могли только какие-нибудь жильцы с верхних этажей. Но я надеялась, что, даже если меня кто и приметит, то не побежит сразу же с криками «держи ее!» вдоль по улице, привлекая внимание к сему незначительному событию ребятишек, засевших в черном джипе.

Уже через десять минут я тряслась на задней площадке в троллейбусе, все еще настороженно поглядывая в окно. Преследователей, вроде бы, видно не было. Мне пришлось еще раз поменять транспорт, и ровно в назначенное время, я входила в кафе, в котором мы должны были встретиться с Семеном. Кафе было небольшим, уютным, оставшимся еще на этом месте с Советских времен. Деревянные панели, покрытые лаком, ненавязчивые светильники, небольшие низкие перегородки, отделяющие столики, и создающие иллюзию уединения тех, кто там сидел. По всему периметру помещения тянулся деревянный же цветочный ящик с неизменной и вечной традесканцией. Ничего особенного, но чисто, пусто, уютно. Что меня вполне устраивало. Кофе здесь варили чудесный. Однажды, в один из моих приездов Семен пригласил меня сюда. И с тех пор, это стало «нашим» кафе.

Покрутив головой, Сению я не заметила. Официант возле барной стойки вопросительно и оценивающе посмотрел на меня. Джинсы, слегка заляпанные каплями грязи по причине сырости на улице, а так же, способа, каким мне сюда приходилось добираться, и обычный бежевый свитер, крупной вязки из простой деревенской шерсти, респектабельности мне, конечно, не придавали, но его натренированный цепкий взгляд успел заметить золотые часики на моем запястье, на которые я невольно глянула, когда не увидела в кафе того, с кем у меня была назначена здесь встреча. Он тут же расплылся в улыбке и, с плавностью парусного ялика, идущего по глади безмятежного озера, подплыл ко мне с дежурной фразой из старых времен:

– Чего изволите?

Я с некоторым недоумением уставилась на него. Не любила я этих современных официантов с их страстным и навязчивым желанием угодить клиентам, в ожидании чаевых. Они мне напоминали дрессированных цирковых собачек, готовых за лакомство выполнить любой кулбит. Предпочитала суровых волков, с их суровым характером. Но с волками в сфере обслуживания были проблемы. Поэтому, я, оглядев молодого человека с ног до головы, ему в тон, ласково промяукала:

– Кофейку бы выпить, голубчик...

От моего «голубчика» парня слегка перекосило, улыбку он слегка утерил, и указав на почти пустой зал, пробурчал:

– Располагайтесь, где вам будет удобнее...

Ну я и расположилась. В самом дальнем углу от входа, но так, чтобы можно было видеть в окно все, что происходило на улице. Кофе мне принесли. Я сидела за столом и нервно крутила чашку в руках, беспрестанно поглядывая на часы. Время шло, а Семена все не было. Наконец, когда мое терпение было готово уже лопнуть, двери открылись, и в кафе влетел Сеня. Весь взъерошенный, словно перепуганный воробей, ворот рубахи расстегнут, из нагрудного кармана его светлого пиджака свисал слегка помятый галстук светло-палевого цвета, в тон светлого костюма. Причем, не самый дешевый. Я слегка поморщилась от подобного обращения со стильной дорогой вещью. Но парню, судя по всему, сейчас было не до дорогих галстуков. Он остановился в дверях, видимо, после светлой улицы пытался привыкнуть к полумраку, царившему в зале кафе, и принялся вертеть головой. Я с готовностью помахала ему рукой, облегчая ему поиски моей персоны. Он устремился к моему углу со скоростью разогнавшегося локомо-

тива. Я даже испугалась, что он не успеет затормозить и просто врежется в хлипкий столик. Но он справился. Плюхнулся на стул, и с некоторым облегчением выдохнул:

– Ой, Линочка Болеславовна, я боялся, что вы не дождетесь! Пришлось немного по городу покрутиться. – И добавил шепотом, склонившись ко мне поближе. – Еле от «хвоста» оторвался...

Ох ты, Господи! И этот от «хвоста»...! Да что же такое происходит-то, в конце-то концов! Но задать свой вопрос я не успела, как Семен заговорил торопливо сам, периодически поглядывая на двери.

– Вы уж меня простите, что я так вот... Ну на заводе... Сидит этот аспид, шага в сторону не ступить. Да и на вас подозрение навлекать не хотел... – Затараторил он непонятное.

Стало ясно, что, если я не возьму беседу в свои руки, толка никакого не будет. Мы эдак еще долго с ним будем «общаться» безо всякого результата. Я подняла ладонь, привлекая его внимание. Когда он замолчал, я с улыбкой проговорила:

– Сеня, ты не волнуйся. Особенно из-за «холодной» встречи. Я поняла, что ты не просто так себя ведешь подобным образом. А теперь, если ты хочешь, чтобы я что-то поняла, начни с самого начала. Но для этого, давай ты немного успокоишься. Может быть кофе?

Он с готовностью кивнул головой, сделав попытку пятерней причесать свои волосы. Но получилось только хуже. После этой процедуры он стал еще больше напоминать доброго, но насмерть перепуганного домовенка. Я сделала знак рукой, и рядом с нашим столиком материализовался давешний официант, и с вопросом в очах уставился на меня преданными глазами. Получив заказ, тут же испарился. Семен проводил официанта взглядом своих карих глаз, из которых, словно по волшебству исчезла вся их ласковость. Было понятно только одно – Семен находится на грани паники. Я поглядела на парня внимательно, и сдержанно произнесла:

– А теперь, с самого начала.

Мой молодой друг тяжело вздохнул, и заговорил тихим голосом.

– Лина Болеславовна, вы же знаете о нашем заводе довольно много. Помните, я рассказывал вам его историю? – Чтобы не впадать в дискуссию, я просто молча кивнула головой, а он продолжил. – Когда-то на Малышевском руднике был найден удивительный камень. Конечно, не такой, как «Изумруд Коковина» в двести с лишним карат, но тоже вполне себе впечатляющий. В сто восемьдесят шесть карат! Но дело было даже не в его размерах. Он был очень редкого, глубоко-зеленого цвета и чистоты, которой могли бы позавидовать даже бриллианты. Его цена даже в «сыром» виде определялась со множеством нулей, которые я не буду перечислять. А после огранки, предполагалось что его цена улетит в заоблачные выси. Камень был уникален!

Тут я сообразила, что Сеня сел на своего любимого конька, с которого его ссадить быстро не получится. И решила вернуть нашу беседу, точнее, его монолог в более информативное русло.

– Семен, давай ближе к теме...

Он недоуменно хлопнул своими карими глазами, и опять попытался всей пятерней пригладить, торчавшие во все стороны волосы. Смущенно улыбнулся, чуть заикаясь проговорил:

– Да... да... Простите, увлекаюсь, когда речь заходит о камнях. Так вот, работали на нашем заводе два исключительно талантливых ювелира, два друга. Авдотий Яковлевич Михайлов и Маркелл Ардалионович Топорков. Прошли вместе войну. Поговаривали, что пришлось им даже посидеть потом, ну из-за того, что в тылу у немцев побывали, вы понимаете. – Я понимала, и опять кивнула молча головой. А Сеня продолжил торопливо рассказывать. – Правда, эта информация недостоверная, так, слухи одни. Топорков был огранщиком, да еще каким! Камни с его огранкой не раз получали призы на международных ярмарках. А Михайлов был ювелиром. Кстати, несколько украшений из вашего заказа изготовлены по его рисункам. Вы же знаете, что несколько лет назад было принято решение затопить рудник. Вот тогда-то и вспомнили о старых запасах. Камень был огранен Топорковым и ему было присвоено имя «Зеле-

ный лед». Безусловно, по своим размерам он не мог тягаться с такими знаменитыми камнями, как «Новогодний» или «Звездарь», которые были в несколько тысяч карат, но качество... – Тут Семен закатил глаза и лицо его сделалось мечтательным. Вероятно, тем самым он хотел мне дать понять, насколько качество неведомого мне изумруда превосходило все камни на свете. Я прониклась, и чтобы вернуть парня с небес на землю, слегка покашляла. Он, будто очнувшись, с несколько смущенным видом, продолжил. – Камень сначала хотели продать, но потом, почему-то передумали, решили сделать из него уникальное украшение, которое будет визитной карточкой нашего предприятия. И, разумеется, поручили его изготовление Михайлову. Тот, не желая портить его, сделал лишь тоненькую обвязку, превратив его в подвеску. А потом на заводе начались пертурбации. Пришли канадцы, убрали старого директора. Топоркова отправили на пенсию, а может быть он и сам ушел. Я слышал, что там была какая-то темная история. Но сплетни я вам сейчас передавать не буду. Тем более, что это, наверняка, не имеет никакого отношения к происходящему сейчас. Но вот Михайлова оставили. О причине сего не спрашивайте, не знаю. Слухи, конечно, ходили всякие, но почвы, как мне думается, под собой не имели.

Он сделал глоток остывшего кофе из чашки, и невольно поморщился. А я уже стала немного уставать. Мне никак не удавалось за всеми этими рассказами углядеть суть происходящего сегодня. Но я решила набраться терпения. Сеня – парень умный, наверняка, все эти его увертюры не зря. И я уставилась на него с повышенным вниманием. Он мне благодарно улыбнулся, и продолжил:

– Несколько месяцев назад у нас опять стало меняться начальство. – Он смущенно кашлянул, и оглянувшись с некоторым подозрением по сторонам, шепотом продолжил. – Вы же знаете, новый собственник – и новая «крыша». Время деликатных службистов прошло, и их место заняли «братки». Но вы же понимаете, наш завод – не барахолка на Шувакише. Соответственно и «братки» у нас серьезные, не эти, из распальцованных. Но нам от этого не легче. Так вот, наша старая «крыша» с новой была не согласна. Мы тут почти месяц, как в осадном положении жили. Но, вроде бы, все обошлось. Как-то они там сумели все же договориться. – Он опять перегнулся ко мне через стол, оглянулся по сторонам, и зашептал зловеще. – У нашей старой «крыши» начальник весьма уважаемый и серьезный. Кличка «Филин». Кто такой, никто не знает. Известно только, что он здешний, с Урала. Властью и авторитетом обладает нешуточными. Очень жесткий. Хотя, иначе бы, наверное, у власти бы и не удержался. Дисциплина в его команде почище штрафбата. В свое время, весь ювелирный бизнес области под себя подмял. Без его слова ни один камушек в паршивых четыре сотни карата не мог быть продан на черном рынке. Но, только его никто и никогда в глаза не видел, кроме нескольких особо доверенных лиц. Больно скрытен. – Он опять уселся нормально на свой стул, и философски продолжил. – Хотя такое его поведение вполне объяснимо при такой-то работе. В общем, не позавидуешь мужику.

Семен вдруг о чем-то глубоко задумался. Не иначе скорбел о судьбе неведомого мне Филина. Честно говоря, у меня в голове была уже каша. Изумруд непомерной цены, «крыша» со своими войнами. У меня возникал вполне здравый и резонный вопрос: а я-то здесь при чем?! Какое мне дело до всех этих разборок, в конце концов? Я – обычный заказчик. Заплатил денюжки – получил товар. И оставайтесь, господа хорошие (пускай, и не очень хорошие) со своими проблемами, а мы до дому, до хаты, так сказать. Скорее всего мое недоумение отразилось на моем лице, что и было замечено Семеном. Я только собралась открыть рот, чтобы задать ему соответствующий вопрос, как он заговорил снова.

– Понимаю ваше недоумение, Линочка Болеславовна. Вы хотите спросить, при чем здесь вы? Я отвечу. Вы – наш постоянный и горячо любимый клиент. На заводе появляется три-четыре раза в год. Каждый раз берете вполне приличную партию товара...

Несмотря на его «ответ», понятней мне не становилось. И я, не дав ему договорить, выпалила с некоторым раздражением:

– Сеня, я все понимаю! Но все это, о чем ты мне сейчас рассказал – ваши проблемы! Я-то здесь при каких пирогах?!

Он мне грустно улыбнулся, и принялся рисовать пальцем на столе какие-то узоры из капли пролитого кофе. Чисто мальчишеская привычка!

– Так я главного вам еще не рассказал.

При этих словах, я закатила глаза. Святые Угодники!! Что же тогда главное, если все вышеизложенное было второстепенным?! Смирившись со своей судьбой, я вздохнула, сложила кисти замком на столе, и, уставившись на своего приятеля, проговорила страдальческим голосом:

– Не томи, Сеня... Говори уже главное. Ну сил же уже больше никаких нет!

Парень вздохнул тяжело, будто выполняя свой тяжкий долг перед родственниками умершего, с такой же скорбной миной, замогильным голосом начал вещать:

– Так я вам и говорю... Старая «крыша» при договоре с новой в виде откупа потребовала себе некую часть изумрудов. В том числе, и тот, который «Зеленый лед»...

Нет, он определенно решил меня уморить. Причинно-следственные связи рушились на глазах, можно сказать. У меня получалось: в огороде бузина, а в Киеве дядька. Что я и поторопилась высказать своему приятелю:

– Сеня, так отдайте вы им этот свой «лед», да и дело с концом!!

Семен, похожий в эту минуту больше на бабу-плакальщицу, чем на начальника торгового отдела ювелирного завода, страдающим голосом выпалил:

– Так и хотели отдать! Только вот при передаче «Зеленый лед» оказался фальшивым!!!

От неожиданности, я захлопала на него ресницами, не зная, что и сказать. Поэтому, задала совершенно идиотский вопрос, какой только было можно задать в подобной ситуации:

– Как, фальшивый???

Мой собеседник картинно развел руками, и ответил так же по-дурачки:

– А вот так...! Фальшивый! И у нас уже который день творится Бог знает что! Вы сами знаете, что служба безопасности у нас всегда была на высоте. При нашей деятельности по-другому никак нельзя. Но сейчас... творится что-то невообразимое! Везде сидят ЭТИ люди! Завскладом уже четвертый день числится на больничном, а у нас слухи ползут по заводу один страшнее другого. Всех более или менее постоянных клиентов проверяют. Вдруг кто умыкнул настоящий камень и подсунил фальшивку. Эти люди не шутят сами, и шуток других не понимают тоже. Даже все каналы поставок уже прошерстили. Начальство на руднике психует, говорят, что там у вас творится. Но им рот тоже заткнули быстро. И смею вас уверить, в способах не стеснялись. Теперь кругом царит тишина. Все забились по щелям, сидят как мыши под веником, боясь пошевелиться. А ну как на него подумают. Хотя, доступ в хранилище имел очень ограниченный круг людей. Но их уже, вроде бы проверили. Ничего не нашли. И вас меня заставили срочно вызвать. Но вы уж простите великодушно, если бы вы не приехали, они бы к вам нагрянули по-любому. Так что я решил, лучше уж вы сюда. – Я таращилась на него пытаюсь прийти в себя от такого. Сначала хотела возмутиться такой подставой. Но, быстро пораскинув мозгами, поняла, что Семен поступил правильно. Не хватало только мне братков в моем родном доме! Лучше уж здесь, где я одна, без штата своих работников, у которых, между прочим, семьи, дети, старики родители и друзья. В общем, рычагов влияния масса. А Сеня все продолжал говорить. – Всех наших потребителей проверяют по сотне раз. Вот поэтому я вам и решил все рассказать. Думаю, вам как можно скорее следует уезжать. Товар вы уже получили, все в полном ажуре, так что вас тут уже больше ничего не держит.

А меня его последняя фраза возмутила до глубины моей души, если не сказать, разозлила. Этого только еще и не хватало! Чтобы мне кто-то указывал что и когда мне делать!

Только я собралась высказать свое негодование по этому поводу, как Семен, скорчив жалобную физиономию, просящим голосом, жалобно проговорил:

– Только Линочка Болеславовна, у меня к вам будет просьба. Я знаю, вы ведь на машине. Так не сможете ли заехать к нашему работнику, он сейчас на больничном, и передать ему записку от меня. Если к нему поеду я, это вызовет массу ненужных вопросов и подозрений. Он старик... Когда все это началось, у него сердце не выдержало, и он слег. Сейчас дома. Я обещал ему на дачу с материалом договориться, но вот, вы сами видите, не получается у меня никак. А он ждет. – Видя вопрос в моих глазах, поспешно закончил. – Это как раз тот старик-ювелир, о котором я рассказывал вам. Ну, который оправу для камня делал. Не сочтите за труд, Линочка Болеславовна. А то этим дуболомам разве ж объяснишь?

И он, молитвенно сложив руки, уставился на меня щенячьими глазами. Не иначе, как на меня в тот момент нашло какое-то затмение. Потому что, по-другому я никак не могу объяснить, почему в тот момент я кивнула головой, давая свое согласие. А может быть, просто богиня Судьбы на минуточку отвернулась тогда, и все пошло совсем по другой дороге? Кто теперь даст ответ? Факт остается фактом. Я кивнула Семену, выражая тем самым свое согласие заехать к старику и отдать ему записку. Парень обрадованно извлек из небольшой кожаной барсетки листочек бумаги и ручку и принялся торопливо на ней чего-то чертить. Затем из той же барсетки достал обычный почтовый конверт из чуть сероватой бумаги и с милой улыбкой протянул мне все это счастье. Вот тогда наступил еще один момент, когда бы я могла отказаться от его просьбы. Но, увы, я и тогда этого не сделала. На конверте размашистым подчерком было выведено «Михайлову А. В. ул. Куйбышева, д. такой-то, кв. такая-то». На листочке была набросана схема проезда. Я презрительно сморщилась.

– Семен, на кой мне твоя схема. Я эту улицу пешком столько раз исходила туда и обратно, сколько ты за свою жизнь километров не прошел.

Это я так своеобразно радовалась, что неведомый старичок не живет где-нибудь на Химмаше или еще где подальше. Семен выглядел несколько сконфуженным и в то же время, чувствовалось, что мое согласие передать письмо старику принесло ему некоторое облегчение. А я, не иначе, как распалившись от собственного великодушия, проговорила:

– И еще... Никуда я пока не уеду. У меня тут еще куча дел. Да и потом, что они от меня хотят? Никаких темных дел я тут не вела. А отпугивать от завода клиентов – думаю, это не в их интересах. Как ни крути, а они люди деловые. Так что, не думаю, что мне может что-то серьезно угрожать. Да и менять планы свои по неведомым причинам я, при всем уважении, не собираюсь. Так что, если еще когда захочешь поболтать, звони. Остановилась я, как обычно, ты знаешь где, номер двадцатый. – Я поднялась из-за стола. Семен тоже поднялся, торопливо доставая чуть смятую купюру из кармана, и положил ее на стол.

Мы пожали друг другу руки и расстались перед самым выходом из кафе. Семен сразу шмыгнул куда-то в сторону, а я решила еще зайти в дамскую комнату. Не задерживаясь там долго, и воспользовавшись тем, что официант убирал с нашего столика, я проскочила нешироким коридорчиком и толкнула дверь с надписью «служебный вход». Оказавшись в тесном и темноватом переулке, бодро зашагала в сторону параллельной улицы. Береженного Бог бережет!

Глава 4

Добираться до гостиницы решила пешком. На ходу лучше думалось. Следовало все разложить по полочкам, пока еще свежо, так сказать, в памяти. Две «крыши» сначала спорили, кому контролировать завод, да, надо полагать и рудник тоже. Дело чуть не дошло до войны, и Уральцы отступили. Вот и правильно сделали. Иначе тут была бы уже полномасштабная войнушка со всеми вытекающими. Договорились на партии изумрудов, думаю немаленькой, где центральное место занимал уникальный (по словам Сени, а я склонна была ему верить) изумруд под названием «Зеленый лед». При передаче выяснилось, что камень, хранящийся на заводе – фальшивка. Ситуация между «братками» опять накалилась. У них только один закон, на котором и держится это государство в государстве: «За базар надо отвечать». Поэтому, для пришлых дело чести (если про бандитов вообще такое можно сказать) найти настоящий камень, чтобы передать его неведомому Филину вместе с остальным добром. И пока они камень не найдут, покоя здесь никому не будет.

Так, с этим, вроде бы, все понятно. Теперь нужно было определить свое место в этой сваре. А место мое – сторона. Я товар получила. Его проверили. Так что, теперь ничто не мешает мне заняться своими делами, стараясь не обращать на ребяташек внимания. У них своя свадьба, у меня – своя. Единственное, что мне нужно срочно сделать – это отправить мои изумруды в родной магазин с фельдъегерской службой. Конечно, удовольствие это мне обойдется недешево, но душевное спокойствие куда как дороже каких-то денег. Приняв это решение я повеселела. Кажется, я нашла способ, как избавиться от одной головной боли. И еще. К дедушке с письмом следует отправиться сегодня же вечером. Так сказать, выполнить все, связанное с этим заводом, чтобы потом уже ни о чем не думать.

Незаметно я дошла почти до самой гостиницы. Чтобы идти к старому ювелиру, следовало купить ему каких-нибудь гостинцев. Как-никак, человек старый, заслуженный, да еще и приболел. С пустыми руками идти будет как-то неприлично. Я заскочила в попавшийся мне по дороге гастроном, взяла всего понемножку, так как не знала, что старик любит, и бодро зашагала в сторону своей гостиницы, виднеющейся отсюда за верхушками пожелтевших кленов на бульваре. Уже подходя к самому зданию моего временного пристанища, я внезапно вспомнила, что уходила-то я отсюда тайком. И если сейчас те, кто меня караулит здесь, увидят, что я вхожу в гостиницу, как ни в чем не бывало, в то время, когда я должна, как бы, пребывать в своем номере, у меня могут возникнуть проблемы. Мне бы очень не хотелось, чтобы они узнали, что я могу спокойно уйти от их слежки. Да и насторожит это ребяташек, что повлечет за собой некоторые вопросы. А оно мне надо? То-то же! Поэтому я, притормозив, спряталась за ближайшим стволом подвернувшейся мне вовремя липы. Осторожно выглянула из-за коричневого морщинистого ствола, пытаюсь рассмотреть, стоит джип под моими окнами или нет. Машину я не увидела, и уже собралась выйти из своего древесного укрытия, как чья-то рука легла на мое плечо. От неожиданности я подпрыгнула на месте и чуть было не выронила пакет с провизией для старичка ювелира из рук. Оглянулась, уже готовая отражать атаку неприятеля, и увидела перед собой, недоуменное лицо Алеши. От испуга, смешанного с негодованием, я в сердцах чуть не выразилась несколько непристойно о его родственниках и о нем самом. Схватила за сердце свободной рукой, и, не скрывая эмоций, произнесла:

– Лешка, чтоб тебя...!!! Напугал-то как, ирод!! Чуть заикой не сделал! Ты чего подкрадываешься?!

Алексей еще с большим недоумением захлопал на меня своими шикарными ресницами, и извиняющимся тоном проговорил:

– Ну, прости... прости Ликочка... Не хотел напугать...

Я от злости на саму себя, что друг застал меня в такой момент, досадливо буркнула:

– Бог простит... – А потом, поняв, что Лешка в моих проблемах вовсе не при чем, проговорила, чуть ласковее. – Ладно... Проехали. – А потом задала интересующий меня вопрос. – Ты как здесь?

Алеша, все еще с покаянным видом, проговорил:

– Да вот... Ехал по делам мимо. Смотрю, ты тут в индейцев играешь. Думаю, дай остановлюсь, спрошу. Может тебе напарник в игре нужен. Одной-то, поди, скучно играть? – И лукаво так, со значением, улыбнулся.

А я обреченно подумала, что теперь мне точно не избежать объяснений с другом. Пове- рить, что я внезапно впала в детство, он вряд ли поверит. Так что... Теперь уже я, переминаясь с ноги на ногу, промямлила, пряча глаза:

– Ну... Знаешь... Кажется, я опять куда-то встряла...

Алексей мгновенно посуровел, а я, от такой его перемены настроения, даже голову в плечи вжала. Ну все... Сейчас пойдет – поедет! Но, так же я знала совершенно точно, что, если чистосердечно покаюсь, в беде он меня не бросит, и, конечно, поможет, ежели что. Поэтому, приняв решение взять весь грядущий процесс неизбежной нахлобучки в собственные руки, я деловитым тоном спросила:

– У тебя как со временем?

Лешка пожал плечами:

– Сейчас на встречу еду. Потом часа два будет свободных. Можем где-нибудь посидеть, пообедать. Точнее, наверное, уже поужинать. А потом еще будет одно дельце, но недолго. И я свободен. Можем пойти куда-нибудь. – Потом, вспомнив, что должен изображать суровость, нахмурился, и, изображая грозного батюшку, спросил. – Так куда ты опять вляпалась?

Я махнула рукой.

– Долгая история. Ты вот что. Езжай на свою встречу, а потом закинешь меня к одному старичку. – Я подняла в руке пакет, демонстрируя продукты. – Он болеет. Навестить обещала. Пока я там у него побуду, ты свои дела решишь, а после, мы куда-нибудь сходим, посидим, поужинаем, и я тебе все расскажу. Лады?

Он с минуту подумал, и согласно кивнул головой. Но в его глазах застыла насторожен- ность. Он явно пытался углядеть за моими словами какой-нибудь подвох. Я улыбалась во все оставшиеся свои тридцать зубов, а глаза при этом отливали честной синевой. Но, это, судя по всему, его не успокоило, а насторожило, почему-то, еще больше. Но, времени на полноцен- ные разборки у него не было, и, вовремя вспомнив об этом, он кивнул головой и побежал к своей машине. Я вслед махнула ему рукой, а Алеша, трогаясь с места в своем авто, коротко просигналил мне, и умчался по своим делам. Я выдохнула с некоторым облегчением. Ну вот и славно. Лешка мне обязательно подскажет что-то дельное. Это он просто так, для пущей важности, изображает из себя хлопотливую наседку. А когда надо, мог действовать быстро и вполне решительно, а главное, результативно.

Я чуть ли не вприпрыжку помчалась к своей гостинице, и, не поднимаясь в номер, прямо от администратора, сделала срочный заказ в течение часа фельдъегерям. Ну вот, что-то с места, кажется, сдвинулось. Поднялась в свой номер, решив в ожидании службы, попить чайку. За сегодняшний день ничего, кроме двух чашек кофе у меня в желудок не попало. Правда, есть совсем, почему-то не хотелось, а вот чайку выпить, было в самый раз. Табличка с броской над- писью «не беспокоить» по-прежнему болталась на ручке моей двери. Сняв ее, отперла двери и вошла в номер. И на пороге замерла, будто настороженный зверек. Мое шестое чувство просе- мафорило мне желтым светом. Сделала несколько осторожных шагов и внимательно оглядела комнату. Вроде бы все на месте, все как я и оставляла. Не сдвинут ни один предмет, и в шкафу одежда висит в прежнем порядке. Но что-то же меня насторожило! Через несколько секунд, я поняла, что именно. Запах.

Ну, конечно! В комнате витал слабый, едва ощутимый запах табака и мужского одеколона. Еле уловимый, почти на грани исчезновения, но мой нос почуял его. Я, не удержавшись, тихонько присвистнула и, не разуваясь, медленно опустилась в кресло, стоявшее у самого входа. Да, Семен прав. Эти ребята не шутят. Значит, моя доморощенная конспирация никого не обманула. Если так дело и дальше пойдет, впору записываться на курсы этой самой конспирации, блин! Мысли сразу заскакали блохами, и ловить я их даже не пыталась. Так, нужно успокоиться и взять себя в руки. Паника – плохой советчик. Умом я все понимала, а вот чувствами... Хотелось схватить вещички в охапку, и, давай, Бог, ноги! Не могу сказать, что мне было страшно. Скорее, противно. Ощущение грязи присутствовало почти осязаемо. Хотелось все вокруг промыть как следует хлоркой, и себя в том числе. Меня даже затошнило. Но мы все знаем из школьных уроков физики, что чем сильнее действие, тем больше противодействие.

Я поднялась с кресла, готовая разорвать каждого, кто посмеет... Что? Да хоть что!!! Чай пить мне, почему-то, расхотелось. Подошла к окну и открыла его настежь. Холодный и сырой осенний воздух ворвался в комнату, наполняя ее горьковатой свежестью и вытесняя этот чужой и грязный запах. Эх... Сейчас бы в лес! Побродить с корзинкой, собирая поздние грузди, в чашечках которых ранним утром от первых морозцев застывает скопившаяся вода. Вдохнуть полной грудью запах хвои и прелых листьев, увидеть бездонную головокружительную синь осеннего неба над головой! Или даже пускай дождь! Шорох капель, пробирающихся сквозь еще не облетевшие золотые листья берез. Никакой жалкий металл не заменит этого сияния даже под хмурыми тучами! Прижать бы влажные листья к лицу, вдыхая их утешающий аромат! А вместо всего этого, я сижу в этом городе и думаю, как намотать хвост лисы на нос каким-то бандюганам, чтоб их всех...!

Мои размышления прервал звонок телефона. Красивый и вежливый девичий голос сообщал мне, что прибыли фельдъегеря, и попросил спуститься вниз. Прихватив документы, я поспешила в холл гостиницы. Через полчаса все формальности были улажены, и прихватив мою коробку с изумрудами, служивые отбыли. А я, вздохнув от облегчения, что одной головной болью меньше, решила посидеть в баре гостиницы, и, наконец-то выпить чаю с каким-нибудь бутербродом. Есть по-прежнему не хотелось, но силы могли понадобиться. Ох... Если бы я знала тогда, сколько сил мне может понадобиться, я бы заказала здоровенный кусок мяса с гарниром, а не жалкий кусочек хлеба с сыром.

Я сидела за небольшим столиком у самого окна, и задумчиво жевала бутерброд, припивая его горячим и сладким чаем. Мысли мои блуждали где-то вокруг Малышевского рудника. С этим местом у меня было связано одно воспоминание моей далекой студенческой юности. И воспоминания не особо приятные. И сейчас опять в моей жизни мелькает этот рудник, чтоб ему! Вот я и сидела, размышляя над вывертами судьбы, и гадала, к чему мне она посылает такие повторы. Правда, сейчас, вроде бы, печалиться особо не по чему было. Ничего такого, сногшибательного не произошло, и дай Бог, не произойдет. Но вот предчувствия у меня были не очень хорошими. Аккуратность, с которой они обыскали мой номер впечатляла. Работали они профессионально. А профессиональная работа стоит недешево. Значит...? Серьезные ребята, вот что это значит!! Но пройдясь по десятому кругу в своих рассуждениях о возникшей ситуации, я пришла к выводам, что мне, собственно, опасаться вроде как бы и нечего. Камень я их не брала, и даже в глаза не видала! Так что, по большому счету, претензий ко мне никто не должен иметь, но... Вот именно, что «но». Правда, причины этого самого «но» я обнаружить так и не смогла, как ни старалась.

Вот в это-то время, время моих душевных метаний, и появился Алеша. Он подошел тихо и уселся напротив меня за столик. Погруженная в свои размышления, сразу его не заметила. И только когда он загремел стулом, словно очнувшись от пребывания в каком-то другом месте и другом времени, я опять слегка подпрыгнула от неожиданности. Алексей с легкой насмешкой посмотрел на меня, и проговорил:

– О чем мечтаем? Ты так глубоко задумалась, что даже не заметила, как я минут пять тебе махал, стоя под окном. Может к дедуле позже съездим, а сейчас ты мне все расскажешь?

Тяжело вздохнув, я ответила ворчливо:

– Не мечтаю... Скорее, вспоминаю. Молодость нашу вспоминаю, приключения все. Так... Наваяло что-то... – Я неопределенным жестом покрутила рукой в воздухе. Тяжело вздохнув, проговорила уже более бодрим голосом. – Думаю, твое предложение не пойдет. К деду надо ехать сейчас, потом поздно, ночь уже будет. Сам понимаешь, старый человек, да еще больной. Спать, должно быть, рано ложится. А мы с тобой пообщаться и ночью можем. – И я ему, непонятно с какого такого перепуга, лихо подмигнула.

Алеша посмотрел на меня долгим взглядом, от которого у меня вдруг загорели уши. Проклиная свой глупый язык, я опустила взгляд. Объяснять ему, что я имела ввиду вполне невинные вещи, делом было зряшным. Только бы еще больше запутала бы ситуацию. Поэтому, изображая деловую активность, я поднялась из-за стола, и скороговоркой выпалила:

– Ты пока здесь подожди. Я быстренько сбегаю за сумкой с продуктами. Они у меня в номере остались.

И, не дожидаясь ответа, я поспешно ретировалась из бара, чувствуя затылком, как Алексей пристально мне смотрит вслед.

Быстро поднялась в номер, и не проходя далеко внутрь, схватила пакет с продуктами, свою сумку-рюкзак, и быстро вышла обратно. Находиться в комнате по которой совсем недавно кто-то шарился, трогая мои вещи, не было никакого желания. А ведь мне здесь предстояло еще ночевать. При мысли об этом меня слегка передернуло. Придется съезжать или просить администрацию переселить меня в другой номер, сославшись на «мешающий мне шум улицы», или еще что-нибудь придумывать. Ладно... С этим разберемся позже.

Алеша меня ждал там же, где я его и оставила. Крутил в руках салфетку и задумчиво смотрел в окно. Взгляд был печальным. Я притормозила в самых дверях, глядя с тоской на своего друга. Ну что я за человек такой?! Что называется, «ни себе, ни людям». Тут он заметил меня в дверях, бодро как ни в чем не бывало, улыбнулся мне и пошел навстречу. Я в долгу не осталась, натянув на физиономию оптимистичную улыбку. Мелькнула мысль, что мы сейчас с ним напоминаем двух шулеров за карточным столом. Причем, оба прекрасно знаем, кем мы являемся на самом деле.

До улицы Куйбышева было не очень далеко. По дороге мы, словно сговорившись, молчали. Когда это молчание стало совсем невыносимым, я попросила Алешу высадить меня, сославшись, что хочу немного пройтись. Он хмуро на меня посмотрел, и проговорил с некоторым раздражением:

– А искать я потом тебя где буду? Нет уж... Довезу до места, а потом оттуда и заберу. Тебе часа будет достаточно, чтобы дедулю попроведовать?

Я с готовностью кивнула, опять не произнося ни слова. Почему-то захотелось плакать. Вот все у меня нескладно, не так, как у нормальных, обычных людей! Ну и ладно! Как есть, так и есть! Лешка мое состояние заметил, и, не отводя взгляда от дороги, взял мою ладонь в свою руку и крепко сжал.

– Линка, все будет хорошо. – Голос звучал тихо, и чуть глухо от сдерживаемых эмоций. Только, вот каких, я разобрать так и не смогла.

Я не успела ему ничего ответить. Точнее, не сообразила, что нужно отвечать в таких случаях, чтобы не завести ситуацию с нашими отношениями, ставшими странными по непонятной причине, совсем в тупик. Он остановил машину возле арки, ведущей внутрь большого двора. Покрутил головой, выискивая номер дома, и проговорил:

– Кажется, нужный тебе дом внутри двора. Вот тут, ровно через час я тебя буду ждать. – И, пытаясь пошутить, прибавил. – Надеюсь, за это время ты не успеешь никуда вляпаться.

Я сердито фыркнула, не оценив его шутку, сгребла пакет с продуктами и выпорхнула из машины, буркнув напоследок короткое «договорились». На улице уже наступали сумерки, начинал накрапывать мелкий и нудный дождик, больше похожий на пыль. Осень прокрасалась в город тайными тропами и взяла его в плен, раскрашивая в серые краски дома и небо, срывая украшающие деревья золотые и пурпурные листья, которые так старательно раньше сама и развешивала. Словно объявляя всему миру, что бал красок окончен, наступает время серой хмари, которая так и будет длиться, пока не явится Старуха-Зима со своими покорными и послушными слугами – метелями, да вьюгами. Прохожие, подняв воротники, спешили юркими тенями, сливаясь с сумраком наступающего вечера. А я подумала, что город становится похож на призрак, и я становлюсь вместе с ним призраком, тенью... Господи!!! Что за бред лезет мне в голову!!!

Сдвинув брови на переносице, злясь сама на себя за дурацкое поведение и такие же дурацкие мысли, я бодро зашагала в глубь двора, где посередине, окруженный небольшим сквериком, стоял нужный мне дом старой, послевоенной сталинской постройки. Дом выглядел несколько уныло. Некогда великолепная лепнина по его фронтону, сейчас облупилась, колося пшеницы выглядели теперь сорняками, а серп и молот, венчавшие всю эту былую красу, смотрелись просто-таки издевательски на сером фоне облезлой краски. В некоторых окнах уже горел свет. И я подумала, что вот, как было бы хорошо, если бы за одним из этих окон меня кто-то ждал. Ох, не зря говорят, бойтесь своих желаний! Или, по крайней мере, будьте в них более конкретны, с именем и фамилией. А иначе...

Я потянула на себя старую, всю облезшую дверь неопределенного цвета, и стала подниматься по лестнице, крутя головой по сторонам, ища нужный мне номер квартиры. В подъезде стоял полумрак, лампочка горела только на третьем этаже. Пахло сыростью, кошачьей мочой и запустением. Стены исписаны и изрисованы не вполне интеллектуальными надписями, мягко говоря. Самая безобидная из которых, бала адресована неведомой мне Светке, определяя ее в разряд не очень умных личностей. Все это, навевало на меня еще большую тоску. И я решила, что просто отдам продукты и письмо Семена ювелиру, и уйду. Лучше буду дожидаться Алешу на улице. Во дворе я заметила небольшой «грибок» рядом с песочницей. Вполне подходящее место, чтобы тебя не замочил дождь. Ободренная этой мыслью, я веселее зашагала дальше.

Искомая квартира оказалась на четвертом этаже. На покрашенной половой краской с поэтическим названием «сурик» двери, светлело место, на котором, по-видимому, когда-то была привинчена латунная табличка с именем жильца. Но табличку давно сперли местные предприимчивые подростки, скорее всего, сдав ее на цветмет. Перестройка, блин! И на светлом квадрате, почему-то темно-зеленой краской, был небрежно намалеван номер квартиры. Вместо звонка торчало два проводка. Помявшись с полминуты рядом с дверью и оглядев все это «великолепие», я решительно постучала в дверь. Сначала не очень громко. Постояла несколько секунд в ожидании, и поняла, что старик мог и не услышать моего вежливого стука. И тогда, не церемонясь, стала долбить в дверь кулаком. И вот тут она внезапно приоткрылась. Я замерла на несколько секунд, уже предвидя неприятности, но, по неведомой мне самой причине, продолжая лезть, куда бы не следовало, решительно толкнула дверь и оказалась в темном, довольно просторном коридоре. Из глубины квартиры раздавались какие-то странные звуки. Словно там возились, играя, ребятишки. Возгласы, сопение, стук, будто кто-то уронил стул. Сделав несколько шагов, я оказалась перед дверью, ведущей, надо полагать, в гостиную. Приоткрыв ее, я громко позвала:

– Авдотий Яковлевич, вы дома?

Внезапно в квартире наступила тишина. А мне стало не по себе. На меня внезапно накатил страх. Сроду такого припомнить не могла. Даже ночью в тайге, где кругом дикие звери, я не испытывала подобного чувства. Это был не обычный страх, когда ты боишься чего-то конкретного. Это был почти ужас перед чем-то неведомым. Словно ты переступил границу дозво-

ленного, куда тебе путь был строго-настрого заказан. И я сделала шаг назад, собираясь ретироваться. Просто оставлю письмо где-нибудь в коридоре под вешалкой, и все. Но в этот момент, дверь, ведущая из гостиной в другую комнату открылась, и в проеме возник молодой человек. Увидев меня, он сначала слегка опешил. Да уж... Гостей здесь явно не ждали. И как обычно в минуты опасности, мне вдруг в голову пришла старая дурацкая частушка. *«А самолет летит, крылья стерлися, а вы не ждали нас, а мы приперлися...»* Вот же еще, где напасть! У кого-то от страха нападает икота, кому-то срочно нужно в туалет, а мне на ум приходят всякие глупости!

Молодой мужчина внимательно смотрел на меня, и на его узких, похожих на шнурки от ботинок, губах расплзалась улыбка. Видала я такие улыбки, в зоопарке, в детстве. У меня по спине поползли противные холодные мураши. Пауза затягивалась, и я, чтобы просто услышать собственный голос, проблеяла:

– А Авдотий Яковлевич дома? – И чуть не добавила «ме-е-е».

Мужчина сделал ко мне шаг, и был в этот момент похож на кошку, которая увидела вдруг птичку. Я стояла и смотрела, как парализованная, как он молча приближается ко мне. Это наваждение прервал другой человек. Из спальни выглянул второй, и, еще не видя меня, громко спросил:

– Кто там у нас, Малек?

Наверное, я этому мужику должна была сказать спасибо. Его голос вывел меня из ступора. Швырнув пакет с продуктами прямо в подкрадывающегося ко мне мужика (по-другому я никак не могла назвать его приближение ко мне), я развернулась, и пулей выскочила за дверь. Я летела, не разбирая дороги, перескакивая через две, а то и три ступени. А позади слышала тяжелое дыхание и шаги, догоняющих меня людей.

Глава 5

Я вылетела из подъезда, чуть не открыв двери лбом. Не знаю... Кажется, мозги у меня тогда совсем не работали. Но зато, включились инстинкты, отработанные мною за годы работы в тайге. Поэтому, сказать, что у меня хватило ума не рвануть в арку, ведущую на улицу, я не могу. Ума в те моменты у меня и вовсе не было. Я сделала единственное, что было правильным в той ситуации. Я, словно на крыльях, понеслась к углу дома. Забежав за угол, на несколько мгновений я исчезла из поля зрения своих преследователей. Оказавшись на другой стороне дома, я не побежала туда, где маняще горел свет над подъездами другого, многоэтажного здания, а кубарем закатилась в кусты сирени, густо разросшиеся под окнами дома, из которого я еле унесла ноги. Сделала я это на редкость ловко. Ни один лист на кустах не зашевелился, ни одна ветка не треснула. Вот что значит наработанный годами опыт!

Оказавшись в самых дебрях зарослей сирени, я в то же мгновение затаилась неподвижно, словно мышь в норе. Пытаясь отдышаться, я маленькими порциями выдыхала скопившийся в легких воздух, стараясь производить при этом как можно меньше шума. Вскоре мимо меня протопали тяжелые шаги. Преследователей было трое. У меня не было времени поразмышлять, откуда взялся третий. Или он был в квартире ювелира, или дожидался своих товарищей в машине, стоявшей неподалеку (ведь не пешком же они, в самом-то деле, явились к старику!) Преследователи, выскочив за мной следом во двор большого многоквартирного дома, тоже на несколько мгновений притормозили, разрабатывая план поисков. А я сидела на мокрой листве опадающей сирени, и пыталась просто немного отдышаться, и приготовиться к следующему рывку. А то, что такая возможность у меня вскоре появится, я не сомневалась ни секунды.

Когда я сумела почти беззвучно выровнять дыхание, я услышала, о чем говорили мои преследователи. Одна из фраз невольно зацепилась в моем мозгу. Кто-то из них, скорее всего старший, которого называли «Седой» проговорил хрипло и зло:

– Это твоя проблема, Линь!! Если бы ты с дедом не перестарался, то сейчас бы мы не бегали, как ошпаренные за какой-то девкой!!!

Тягучий, чуть с ленцой, голос ему ответил:

– Кто же знал, что старый таким хлипким окажется. Я и всего-то, что тряхнул его маленько, а он сразу коньки и отбросил. А девка не зря к нему пожаловала. Наверняка, что-то да знает... – Он говорил с растяжкой, я бы сказала, даже чуть задумчиво. Из чего сделала вывод, что не особо-то он этого Седого боялся. Значит, Авдотия Яковлевича уже нет в живых, эти ироды его убили! Я ладошками зажала рот, чтобы не заорать. Конечно, я никогда ювелира в глаза не видела, но, все равно, старика стало жалко до слез. У-у-у, гады!!! Я мысленно погрозила своим преследователям кулаком. Мысленно потому, что по-прежнему боялась пошевелиться, чтобы не привлечь, спаси, Господи, к себе внимание. Мужики еще немножко поспорили куда я могла деться, из чего стало понятно, что они меня потеряли! Радоваться я не спешила. Они сейчас порыщут, порыщут по округе и, в конце концов, думаю, обратят внимание на эти чертовы кусты. По крайней мере, я бы на их месте сразу бы к кустам и направилась на поиски. Но ребяташки, слава тебе, Господи, не были таежными жителями, и подобное им в ум не пришло. По крайней мере, пока. Они, скорее всего, решили, что я ломанулась туда, где горит свет и есть люди. Ну что ж... Это было бы логично для городского жителя. Я, конечно, тоже не в деревне ювелирными магазинами управляла, но опыт жизни и работы в тайге имелся, и немалый. Куда меня судьба только не забрасывала! Точнее, как она бедная (моя судьба имеется ввиду) с моими выкрутасами успевала справляться!

В общем, следовало дожидаться, когда они кинутся обшаривать подъезды соседнего дома, и менять место дислокации. Долго я в этих кустах не высижу. Мои зубы уже начали

отстукивать морзянку. А еще минут через двадцать, я и сама начну трястись, ну и, соответственно, кусты под которыми я укрылась тоже. И на это будет трудно не обратить внимания.

Я вздрогнула от очередной порции дождевых капель, свалившихся с листьев мне за шиворот. Вот же... А ведь могла сейчас сидеть где-нибудь в теплом и сухом ресторанчике, хлебать горячую соляночку, и беседовать с Алексеем о всякой всячине... Тут меня как током дернуло. Алексей!!! Он же будет ждать меня на улице возле арки! А не дождавшись, разумеется, пойдет искать! Номер дома ему ведь известен. И нет никакой гарантии, что он прямиком не попадет в лапы к этим, которые бегают тут. Вот это я и называю одним словом «встряля»! Я аккуратненько отодвинула одну из веток, чтобы освободить себе место для обзора. Силуэты моих преследователей четко виднелись на фоне горящих фонарей соседнего дома. Двое из них отправились в сторону многоэтажки, а один так и остался стоять, напряженно, словно это был и не человек вовсе, а робот, рывками поворачивал голову по сторонам, пристально вглядываясь в темноту.

Нужно было дожидаться, когда он тоже куда-нибудь отойдет. Иначе мне отсюда незамеченной не выбраться. Интересно, сколько прошло времени, как Алексей меня высадил и уехал? Он сказал, что вернется за мной через час. Прошел этот час или нет? Если руководствоваться эмоциями, то мне казалось, что уже прошел не просто час, а добрая половина жизни. А если бесстрастно посмотреть на ситуацию, то не более пятнадцати минут, ну или чуть больше. Смотреть на часы сейчас не было никакого смысла. Все равно в такой темноте ничего не разглядишь. Это раз. А то еще, можно неловким движением обратить на себя внимание преследователей. Это два. Такое «два» мне совсем не нравилось. Поэтому я принялась мысленно считать секунды. Это как-то отвлекало от холода и сырости, да и помогало немного успокоить нервы. Хотя, нет, вру. Нервы это не успокаивало, совсем, нисколько. Меня уже всю трясло с ног до головы. И я очень боялась, что кусты надо мной тоже вскоре начнут трястись. Между счетом секунд, я мысленно проклинала этих придурков, и мои пожелания в их адрес не несли в себе ничего поэтического или литературного.

Тут от многоэтажки послышался разбойничий посвист. Тот, который остался стоять, быстро, почти бегом кинулся на призыв. И я поняла, что вот он, мой, пускай не звездный, но все же удачливый момент. Я тихо выбралась из кустов, и как бывалый солдат в низком окопчике уходит из-под удара автоматной очереди, так и я, пригнувшись, гусиным шагом быстро засемила в сторону арки, молясь только об одном, чтобы Лешка уже был на месте. Добежав согнувшись до детской площадки, я, наконец, разогнулась, и, не оглядываясь, рванула что было сил через арку на улицу. Машины Алексея не было. Понятное дело. Я бегло взглянула на часы. Прошло не более получаса с момента нашего расставания. Торчать здесь, простите за банальность, как тополь на Плющихе, было бы с моей стороны очень и очень неразумно. И спрятаться было особо негде. Правда на улице росли огромные старые тополя, за которыми я бы вполне могла укрыться. Ну, это называлось так: «От добрых людей». А если они подмогу вызовут, то меня, наверняка, засекут в обнимку с деревом! Я могла бы напридумывать себе миллион всяких «если», но делать этого не стала. Нужно думать о хорошем. Только, вот зараза! Ничего хорошего в данный конкретный момент голову не лезло.

За неимением ничего лучшего я притулилась за деревом и стала оттуда вертеть головой на все триста шестьдесят градусов, напоминая перепуганную сову. Мысленно подгоняя Алексея: «Ну, давай же! Давай!! Где тебя черти носят так долго?!!» От нетерпения я пританцовывала на месте, и чуть ли не ногти начала грызть, но вовремя одумалась. Еще не хватало из-за этих придурков себе весь маникюр испортить! Наконец, я заметила Лешкину машину, медленно подъезжающую к арке. Я пулей вылетела из-за дерева и кинулась к его седану, на ходу рванув на себя дверцу. Из-за этого маневра, я чуть не угодила ему под колеса. Он резко затормозил, и уставился на меня в недоумении. Устраиваясь на сидение, я зашипела рассерженной кошкой:

– Быстро, быстро... Валим отсюда!!!

Недоумения только прибавилось на его лице, но он послушно надавил педаль газа, все еще поглядывая на меня в изумлении. Он всегда точно знал, когда нужно спрашивать, а когда действовать. А я, не обращая внимания на его взгляды, принялась вертеться на сидении, пытаясь оглянуться назад. Только когда мы отъехали на приличное расстояние и свернули на другую улицу, я немного успокоилась и с облегчением выдохнула. Нашарила в боковом кармане сидения бутылку с минеральной водой, и жадно глотая, и чуть ли не давясь, вылакала почти половину. Недоуменное выражение Лешкиного лица сменилось на испуганное, и почти тут же сразу – на гневное. Он притормозил на обочине, и сурово спросил:

– Что происходит, черт возьми!! Пока не дашь внятного объяснения, с места не сдвинусь!

Поначалу у меня было желание рывкнуть во всю глотку на него что-нибудь типа «Ты что, сдурел совсем!». Но я вовремя сообразила, что тут криком не поможешь. Брать Алексея на голос – себе дороже. Это я знала доподлинно еще по нашей прошлой студенческой жизни. И решила действовать немного по-женски. Сложила молитвенно ладошки у груди, и проныла со слезой в голосе:

– Лешик, миленький, я тебе все, все расскажу! Только давай отъедем подальше отсюда! – И хлопнула пару раз ресницами, входя в образ нищенки на церковной паперти, которую хочет прогнать суровый дворник.

Образ на Алексея подействовал. Он, все еще сердито хмурясь и поглядывая на меня со значением, наконец погнал машину по проспекту. Мы долго петляли по знакомым улочкам, пока я не сообразила, куда он меня везет. Вез он меня в небольшую пельменную, которая принадлежала нашему старому и доброму знакомому, Андрею. Вообще-то, Андрюха был «королем бензоколонки», как мы его шутиливо называли. Владел несколькими вполне себе приличными заправками в городе, да и так, по мелочи еще набиралось кое-чего, типа небольших дорожных магазинов и закусовых. А конкретно эту пельменную он приобрел, когда из обычного инженера превратился в этого самого «короля». Как он говорил, «в память о нашей боевой молодости». В стародавние времена, когда мы были еще молодыми и задорными щенками, не обремененными никакими заботами и делами, в этой пельменной мы праздновали свои зачеты и сданные экзамены, в ней обсуждались самые невероятные проекты и рождались самые смелые мечты. И теперь, мы с Алексеем ехали именно туда, в пельменную, которая в годы перестройки была переименована нашим другом по неведомой прихоти из привычной нам «Ромашки», в кафе под сомнительным названием «Грехи молодости».

Небольшое кафе, которое и кафе-то назвать язык не поворачивался, скорее, обычная закусовая, стояло в трущобе улочек старого города. Небольшое, уютное помещение, всего-то на четыре столика, поражало своей чистотой. Я бы даже сказала, стерильностью. Вместо модных сейчас жалюзи, вышитые «ришелье» короткие белоснежные шторы на окнах. Столы покрыты белыми же в синюю клетку скатерками. И на каждом столике стояло по трогательной маленькой вазочке из синего стекла со вставленной в ней небольшой веточке рябины с красной кисточкой спелых ягод. Андрюхи на месте не оказалось. Но нас встретила его управляющая, директор, завхоз и повар – все, как говорится, в одном стакане, Людмила Марковна. Это была весьма дородная женщина, с улыбчивым и добрым лицом, с серыми лучистыми глазами, и короткими кудряшками темно-каштановых волос, в которой уже были видны широкие седые прядки. Глядя на ее пышные формы, у меня всегда пропадал аппетит. Пельмени в ее исполнении были невероятно вкусными, и я опасалась, что если буду часто питаться в этом кафе, то вскоре стану, точно, как она. Поэтому, несмотря на все уговоры Людмилы Марковны взять двойную порцию, я неизменно отвечала, что я «сыта». На что, понятливая женщина неопределенно хмыкала, и приносила мне «одинарную порцию», больше напоминающую не то, что двойную, а даже тройную. И, понятное дело, я съедала все до последнего пельмешка, вылизывая необыкновенно вкусный соус языком чуть ли не с кошачьим мурчанием.

Вот и сейчас. Едва мы с Алешей появились в кафе, как Людмила Марковна, торопливо вытерев руки о белоснежную салфетку, и выйдя из-за стойки, поплыла к нам на встречу, широко раскинув руки. Лицо ее осветилось сияющей улыбкой, и она запела, немного «окая», как все Уральцы:

– Глазам своим не верю!!! Кто к нам пожаловал!! Акулиночка, Алеша!!! Сколько ж мы с вами не виделись? – И она сгребла нас своими полными и сильными руками в одну охапку и с чувством расцеловала.

Надо сказать, она единственная, кому было позволено называть меня исконным именем. Когда-то давно, кто-то из ребят проболтался, что меня по-настоящему зовут вовсе не Лина, а Акулина. Проболтавшись, поняли, что нагоняя от меня не избежать, и спешно уведомили Людмилу Марковну, чтобы та не вздумала меня так называть. На что повариха сурово проговорила:

– Глупости!!! Акулина прекрасное русское имя!

Спорить с грозной женщиной никто не стал (себе, что называется, дороже), так вот я вновь и обрела свое имя. Но, к слову говоря, кроме нее никто больше так и не решился меня величать Акулиной. Женщина начала вокруг нас хлопотать, постоянно что-то рассказывая, и спрашивая. Я вяло кивала головой, не проявляя особого энтузиазма поддержать разговор. Алексей тоже улыбался через силу. Людмила Марковна была женщиной понятливой, и сервировав быстро и умело стол, удалилась к себе, часто поглядывая в нашу сторону с некоторым беспокойством. По позднему времени посетителей в кафе больше не наблюдалось, что меня вполне устраивало. Вяло потыкав вилкой в пельмени, я незатейливо начала рассказ. Говорила сухо и коротко, без особых эмоций. Алексей слушал внимательно не прерывая меня. Хотя было видно по его глазам, что сказать ему мне хотелось многое, и не все из этого было бы мне приятно услышать. Когда в своем повествовании я дошла до посещения мною старичка ювелира, он не выдержал:

– Линка!! Ну дивлюсь я тебе!! Ты где-то умная-умная, а где-то ну просто Акулина, одно слово!! Как тебе в ум пришло только при такой ситуации попереться к этому деду?! Это же было очевидно, что добром все не кончится!! А теперь...

Я сердито зыркнула на него, и не дав договорить, что же там «теперь», тихо прошипела:

– А что ты увидел такое сногшибательно-глупое в том, чтобы навестить заслуженного старого, да в придачу еще и больного человека?! Я просто появилась там не вовремя, вот и весь мой «грех». И наверняка, это были не «внучата, посещавшие дедулю». Тут ума особого не надо чтобы это понять. А еще, они говорили о том, что «неудачно тряхнули старика» и тот «двинул кони». – Я запоздало шмыгнула носом.

Лешка как-то сразу сдуслся после моих слов. Сграбастал мою руку и начал торопливо объяснять.

– Дурочка... Я ж за тебя волнуюсь. А теперь тебе надо срочно сматываться отсюда. Я прямо сейчас тебя отвезу в гостиницу, ты соберешь вещи, и в аэропорт! – Видя, как я набрала в грудь воздуха для ответа, он отрезал. – Все!! И не спорь!!! Я тебя силой скручу и со связанными руками увезу!! – И в подтверждение серьезности своих намерений, он стукнул кулаком по столу.

От неожиданности, я слегка подскочила на стуле, а из кухни высунулась голова Людмилы Марковны. Я ей успокаивающе махнула рукой. Мол, все в порядке, милые бранятся – только тешатся. Женщина неодобрительно помотала головой и опять скрылась в своей вотчине. Мне, конечно, тоже хотелось бы побушевать, хоть немного. Нервы, после всего пережитого были на пределе. Но я понимала, что Лешку голосом не возьмешь. Чего доброго, и вправду свяжет по ногам и рукам. С таким не забалуешь. Он и раньше то был упертым, как вол. А с возрастом все только усугубилось. Поэтому, приняв покаянный вид, я жалостливо шмыгнула носом, намекая на свою неприкаянность и сиротство. Когда гнев в его глазах немного поутих, я проблеяла:

– Леш... Но ты то должен понимать, что побегом дело не решишь. Если захотят, они и дома меня достанут. Вопрос нужно закрывать здесь. Другими словами, надо попытаться договориться с ними. – И тут мне в голову внезапно пришла мысль, от которой у меня все внутри похолодело. Я даже сразу как-то вышла из роли, что немедленно было замечено моим другом.

Он впился в меня взглядом, и проговорил на выдохе:

– Что...?

Я подняла на него глаза, и произнесла тоном, будто возвещала о наступающем, почти вот сейчас, немедленно, конце света:

– Леш... А ведь договориться, наверное, уже не получится... Если со стариком ювелиром что-то произошло, а я почти в этом уверена, то, выходит, что я свидетель. Мало того, я видела их рожи и легко смогу опознать их, если придется. А не мне тебе рассказывать, что хороший свидетель – мертвый свидетель. – И прикрыв ладошками рот, я испуганно прошептала. – Ой, мамочки...!!

Глаза у Алексея при этих моих словах стали круглыми, как у перепуганного совенка. С минуту он смотрел на меня в растерянности. Потом выражение его лица стало быстро меняться. Испуг сменился гневом, а я подумала, не залезть ли мне на всякий случай под стол, как говорится, от греха подальше. Гнев в себе долго он удержать не мог, поэтому рывкнул так, что задребезжали стекла в кафе:

– А ну живо, в гостиницу! За вещами! Немедленно! Поживешь пока у меня! – И предвидя мои возражения, добавил сурово. – Я сказал, поживешь у меня, значит, поживешь! И не вздумай вредничать! Оставь свои идиотские рефлексии до другого раза!

Я опять, на всякий случай шмыгнув носом, прикинувшись невинной овечкой, промямлила:

– Я и не собиралась возражать... С чего ты взял?

За нашими эмоциональными разговорами, мы не заметили, что Людмила Марковна уже некоторое время стояла неподалеку от нас с тревожным лицом вслушиваясь в наши разговоры. Я воззрилась на женщину в недоумении, словно не понимая, откуда она тут взялась. Откуда, откуда... От верблюда! Орать меньше надо было, не в лесу чай. А теперь еще и с ней объясняться придется, что, да почему. Вот же еще напасть где! А в моей ситуации, чем меньше народа будет в курсе всего происходящего, тем лучше. Но сейчас уже об этом думать было поздно. Алеша проследил мой взгляд и тоже заметил стоявшую почти рядом женщину. Они несколько секунд смотрели друг на друга со значением, а затем, Людмила Марковна, с тяжелым вздохом, проговорила:

– Ничего я знать не знаю... А вы пельмешки-то ешьте, а то, поди остыли совсем... – И развернувшись, не спеша, с достоинством, направилась обратно, на кухню.

Я, словно под гипнозом, нацепила пельмень на вилку и затолкала его в рот. Вкуса совсем не чувствовала, да и есть совсем не хотелось, но раз Людмила Марковна сказала «ешьте», значит, надо есть. И тут внезапно я вспомнила. Чуть не подавившись пельменем, я почти заорала:

– Письмо!!!

Алеша, собирающийся тоже слегка подкрепится, даже вилку из рук выронил. Поперхнулся, сильно закашлявшись. Я услужливо подсунула ему стакан с компотом. Сделав несколько глотков и с трудом отдышавшись, он с легким возмущением спросил:

– Какое письмо?! Ты о чем вообще?!

Я начала лихорадочно рыться в своей сумке, и наконец вытянула оттуда конверт из серой невзрачной бумаги, и потрясла им в воздухе.

– Письмо, которое меня попросил передать старику Сеня! – Я покрутила конверт перед глазами, будто ища на нем все ответы на свои вопросы. Потом вопросительно уставилась на Лешку, и тихо спросила. – Как ты думаешь, теперь мы можем его распечатать и прочитать?

Алеша, не сводя взгляда с конверта, уверенно ответил:

– Не просто можем! Должны это были сделать уже давно! Может тогда что-то и поймем!

Я, ободренная его поддержкой, стала аккуратно открывать конверт кончиком своей вилки. Там лежал обычный листок, свернутый вдвое. Развернув его, я прочла несколько строк, написанных ровным и убористым Сениным по черком. «Авдотий Яковлевич, доски уже у меня. Погружены в машину. Но доставка пока откладывается. Вы не волнуйтесь, машина стоит под надежной охраной, так что доски не разворуют. Выздоровляйте.» и внизу размашистая подпись и дата. Я протянула листок Алеше. Он недоверчиво покрутил его со всех сторон, и разочаровано протянул:

– И все...? – При этом глянул на меня, чуть ли не с упреком, будто это я поленилась и не написала все конкретно и ясно, сколько было положено для полного понимания всей картины. Я в ответ только плечами пожала.

Он кинул листок на стол, и проворчал:

– Повтори-ка, что Семен тебе сказал, когда просил доставить письмо?

Я опять пожала плечами.

– Сказал, что обещал деду закупить и привезти пиломатериал на дачу. И просил ему письмо доставить, так как сам не хотел лишний раз светиться. Со всеми этими делами, что там творятся, подобная осторожность вполне объяснима. – Я на несколько секунд замолчала, а потом продолжила, словно разговаривая сама с собой. – Хотя... Подумать есть над чем.

Алеша сразу зацепился за эту мою фразу.

– Что ты хочешь сказать?

Я все так же задумчиво проговорила:

– Ну, например, ведь сумел он уйти от «хвоста», когда со мной встречался в кафе. Думаю, и для поездки к ювелиру ему бы тоже удалось это сделать. И дело тут не в самом факте посещения Михайлова, а скорее, в содержании письма. Хотя, я не вижу здесь никаких противоречий. Письмо полностью соответствует его словам. – Я будто очнувшись от своих размышлений, ударила ладонями по коленям. – Так, Алеша! Гадать мы еще можем много и долго, и напридумаем такого, что даже внешняя разведка не разберется в этих хитросплетениях событий и разговоров. А время идет. Думаю, надо срочно в гостиницу. Пока они будут разбираться кто я, да что я, а главное, где я, у нас есть еще время оттуда смыться. Так что, давай, доедай пельмени, и вперед.

Лешка хмуро глянул на меня, и спросил, точнее констатировал:

– Я так понимаю, что в милицию ты обращаться не планируешь...

Я пожала плечами, и грустно заметила:

– Леш, я конечно все понимаю... Но в моей рабочей карьере уже был плачевный опыт подобного обращения. Если братва начала войнушку, то милиция наверняка в курсе, и постарается во все это не вмешиваться. И, кстати, есть вполне реальный шанс напрямую из милиции попасть к ребятишкам в руки. Не хочу сказать, что все у нас продажные, есть и порядочные люди. Но как угадать, кто из них – кто? А рисковать мне как-то не очень хочется. Но, думаю, анонимный звонок будет не лишним.

Лешка задумчиво смотрел на меня. Явно что-то задумал. Верный признак! Я слишком хорошо знала своего друга. Я поднялась из-за стола, и с улыбкой указав на тарелку с пельменями, проговорила:

– Ты пока ешь, а я быстро. Кстати, можешь и мою порцию съесть, мне не хочется. После такого, сам понимаешь, у меня кусок в горло не лезет.

Развернувшись, я направилась к дверям, за спиной слыша взволнованные слова Людмилы Марковны: «Куда это Акулиночка...? И не съела ничего совсем...» Что ответил ей Алексей я уже не слышала. Выйдя из кафе, я быстрым шагом дошла до соседней улицы, и обнаружила там телефон-автомат. Оглядев внимательно улицу, не заметила ничего подозрительного. Не ко времени опять вспомнился старый анекдот про КГБ. Мужик пьяненький заходит в теле-

фон-автомат, набирает номер, и заплетающимся языком спрашивает: «Это КГБ?» Ему отвечают: «КГБ». Он ехидненько так: «Плохо работаете». Кладет на место трубку и, довольный своей проказой, выходит из будки. К нему подходят двое мужчин, берут под руки, и один со вздохом говорит: «Как можем, так и работаем». Так вот, я очень надеялась, что после своего звонка в милицию, я успею уйти. Конечно, милиция – это тебе не ребята из ФСБ, но кто же их знает. После всего пережитого, я бы уже ничему не удивилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.